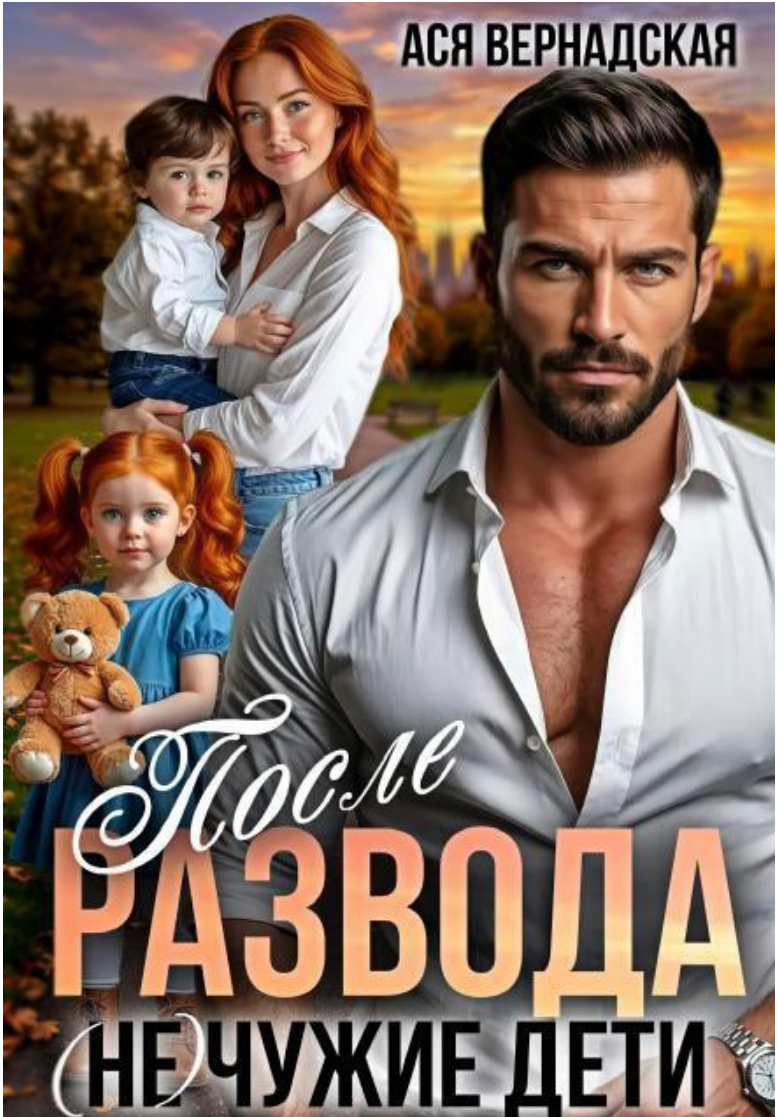

АСЯ ВЕРНАДСКАЯ
После
РАЗВОДА
(НЕ)ЧУЖИЕ ДЕТИ

Ася Вернадская

После развода. (не) чужие дети

https://litres.ru/74795857

Аннотация

НОВИНКА "Не дыши, когда я рядом"

— Нам нужно на время развестись, Вера. Фиктивно. Всего на год. А потом мы снова распишемся.

Я верила мужу безоговорочно. Поэтому подписала всё, что он попросил. Дима поцеловал меня в лоб и назвал умницей.

А через два месяца он женился на своей операционной медсестре.

***

— Мама, а почему у других детей есть папа, а у нас нет?

Я не знаю, что ответить дочери. Знаю только, что в кошельке — тысяча рублей, в холодильнике — три яйца, а меня только что уволили за четвёртый больничный за полгода.

Но я не попрошу его о помощи и о детях он не узнает никогда.

Роман о предательстве, силе и двух маленьких жизнях, появившихся вопреки всему.

Содержание

Глава 1	4
Знакомимся с героями	14
Глава 2	26
Глава 3	33
Глава 4	39
Глава 5	43
Глава 6	53
Глава 7	60
Глава 8	67
Глава 9	74
Глава 10	82
Глава 11 от лица Димы	88
Глава 12 от лица Димы	96
Глава 13	101
Глава 14	106
Глава 15 от лица Димы	112
Глава 16 от лица Димы	118
Глава 17	125
Глава 18	132
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Глава 1

— Мам, а почему у других детей есть папа, а у нас нет?

Я замираю. Вопрос входит под рёбра. Не больно — привычно. Но каждый раз, как в первый, перехватывает горло. Дешёвая резинка для волос застревает между пальцами. Купила ее в ближайшем ларьке у метро, три штуки за сорок рублей. Кира сидит на табурете перед зеркалом, болтает ногами, ждёт. Задала вопрос так буднично. Обычно она с той же интонацией спрашивает, что на завтрак. А у меня внутри всё переворачивается. Сколько лет пройдёт — всё равно будет переворачиваться.

— Не вертись, — говорю, чтобы выиграть секунду.

— Я не верчусь.

— Вертишься.

Она замолкает ровно на три секунды.

— Ну ма-а-ам. Ты не ответила.

Я собираю её волосы в хвост. Волнистые, рыжие, мягкие — мои. У нас с ней одинаковые волосы: как лучики солнца, так бабушка говорила. И веснушки одинаковые — россыпью на носу и скулах, будто кто-то брызнул кисточкой. В зеркале две веснушчатые мордашки, одна маленькая, одна большая. Кира — моя копия. Иногда я смотрю на неё и вижу себя в детстве.

— Мам, ты опять не ответила.

— Не у всех детей есть папы, Кирюш. Вот так.

Она морщит нос. Тут мы не похожи, я никогда так не морщусь. Это оттуда. От того, о ком не говорим. Но я отвожу взгляд. Не хочу видеть его черты в её лице. Хорошо, что их мало.

— А наш где?

— Костя! — кричу я в сторону кухни, спасаясь от вопроса. — Ты оделся?

Из кухни — молчание. Потом шаркающие шаги. Костя появляется в дверях.

И у меня каждый раз ёкает сердце. Потому что Костя — не моя копия. Костя — его лицо. Те же серые глаза, которые смотрят спокойно и чуть свысока. Те же брови чуть домиком, будто он вечно удивляется или осуждает. Та же упрямая линия подбородка с ямочкой.

Он бледный сегодня, под глазами круги.

Костя оделся сам. Как всегда сам. Костя не ноет, в отличие от сестры. Иногда мне кажется, что это он мой папа, а не я его мама.

— Лоб дай.

Подставляет лоб. Тёплый, но температуры нет. Я заметила, что ночью он дышит часто, и появляется сухой кашель, от которого меня сразу бросает в холод.

— Ты как?

— Нормально, — голос сиплый, но твёрдый.

— Если в саду станет плохо — скажи Татьяне Петровне.

Она позвонит, я заберу.

— А если она не позвонит? — Кира уже на полу, натягивает колготки наизнанку.

— Позвонит.

— А если телефон разрядится?

— Кира, закрой рот и не забудь надеть шапку.

Она замирает с трагическим лицом.

— Она колючая.

— Идём.

Выходим в подъезд. Лестница пахнет кислой капустой и кошками.

На улице моросит. Октябрь. Не золотая осень с открыток — серое небо, грязь под ногами, ветер. Ботинки промокают через пять минут. Я чувствую, как вода просачивается сквозь дыру в подошве.

— Мам, на ручки.

— Кирюш, у меня рюкзак.

— А мне всё равно.

Сажаю её на бедро. Четырнадцать килограммов. Костя идёт рядом, держится за рукав моей куртки.

Довожу их до сада. Раздеваю, переобуваю, целую в макушки. Костя всё ещё бледный. Воспитательница, Татьяна Петровна, окидывает его внимательным взглядом: «Посмотрим, может, обойдётся». «Обойдётся», — думаю я. — «Как всегда обходится. Потому что некому им заняться, кроме меня».

Она хорошая, Татьяна Петровна. Но даже хорошая воспи-

тательница не купит мне лекарства, если что.

Я выхожу на улицу в 8:50. Успеваю на работу.

Детский центр «Ромашка» — новое здание с разноцветными окнами, похожее на лего. Внутри — жёлтые стены, оранжевые шкафчики, на полу мягкие пазлы. В воздухе пахнет ванилью. Частный. Ухоженный. Для чужих детей, у чьих родителей есть деньги.

Я здесь администратор — отвечаю на звонки, записываю на занятия, улыбаюсь родителям. А после смены я достаю швабру из подсобки и мою полы. Те же самые разноцветные пазлы, по которым днём бегают чужие счастливые дети.

На часах 9:05, когда я заступаю. Начальница, Алла Борисовна, проходит мимо, даже не кивнув. Ну и ладно.

В 9:45 звонит телефон.

Номер из сада. Я уже знаю, что мне сейчас скажут, еще до того как подношу трубку.

— Вера Алексеевна? — голос Татьяны Петровны виноватый. — У Кости температура, 38,9. Нужно забирать.

— Я его утром... он нормальный был.

— У детей всегда болезни очень внезапно. Приезжайте, пожалуйста.

Смотрю на монитор — три записи на индивидуальные занятия. Один из родителей — отец двоих детей, разведён, богатый, машина дорогая, часы на руке за полляма, и смотрит так, будто я здесь — часть сервиса. Недавно спросил, не хочу ли я подработать вечерами. «Помогать с детьми», — уточ-

нил. Спрашивал так, что после разговора захотелось принять душ.

Ладно. Потерять эту работу я не могу себе позволить. Совсем.

Иду к кабинету Аллы Борисовны. Стучу. Вхожу.

Она поднимает глаза поверх очков.

— Что на этот раз, Захарова?

— Костя заболел. Нужно забрать.

Она откладывает ручку. Медленно. Как будто я её о чём-то неприличном попросила.

— Захарова, это четвёртый больничный за полгода.

— Я знаю. Но дети болеют, я не могу...

Алла Борисовна вздыхает. Снимает очки, протирает стёкла.

— Захарова, давайте без драм. Я не зверь. Понимаю, дети — это святое. У меня у самой двое.

Ну да,у неё двое. Они учатся в Швейцарии.

— Но бизнес, — она разводит руками, — бизнес не терпит сантиментов. Вы отсутствуете по четвергам, потом по пятницам, потом взяли неделю за свой счёт. Родители жалуются. «Где администратор? Почему никто не берёт трубку?»

— Я предлагала взять помощницу на полставки.

— За чей счёт, Захарова? — она смотрит прямо. — Вы готовы поделиться зарплатой?

Я молчу.

— Вот и я не готова. Поэтому так: вы пишете заявление по

собственному. Я пишу вам хорошую характеристику. Всем хорошо.

У неё идеальная укладка и золотая брошь на вороте. Морда холеная, сытая. И вдруг меня накрывает. Злость. Хорошая такая, правильная. Давно меня так не выбешивали.

— То есть вы меня увольняете.

— Я вас спасаю, — она улыбается. — Поверьте, «по собственному» лучше, чем «за прогулы».

— Какие прогулы? Это больничные. И я мать-одиночка, по закону меня нельзя уволить.

Алла Борисовна смеётся. Коротко, как тявкает.

— Захарова, вы в какой стране живёте? — Она наклоняется вперёд, и я вижу каждую морщинку вокруг её губ. — Вы получаете деньги в конверте. У нас даже договора нет. Какое трудовое право? Вы для налоговой — никто. Пустое место. Я могу выставить вас за дверь в любую минуту, и вы даже в суд не пойдёте, потому что вас нет.

Она права. Нет договора. Она предложила: «Так выгоднее, меньше налогов». А я согласилась, потому что на тот момент любые деньги были выгодны.

Сейчас эти слова встают поперёк горла.

— Пишите заявление, — Алла Борисовна берёт телефон. — Или не пишите. Мне всё равно. Дверь там.

Я хочу сказать ей что-то. Что-то острое, меткое, чтобы она хотя бы на секунду почувствовала себя дрянью. Но в голову лезет только «вы — говно». А это не метко. Это просто

правда.

Разворачиваюсь и выхожу. За спиной тишина.

Дверь захлопывается, и только тогда я замечаю, что руки трясутся. Так сильно, что не удержать ручку. Сую их в карманы пиджака. Сжимаю ключи до боли, чтобы хоть чуть унять эту дурацкую дрожь.

В автобусе я пересчитываю деньги. В кошельке — тысяча двести. На карте — шестьсот. Итого — тысяча восемьсот.

Я закрываю приложение. Открываю калькулятор. Квартплата — через неделю. Пять тысяч. Молоко, макароны, Костины лекарства — ещё тысяча. В Холодильнике — масло, хлеб, три яйца. Работы нет. А впереди неделя больничного.

Раньше, в другой жизни, я сидела в мастерской при библиотеке. Я брала в руки книгу, рассыпающуюся от времени, и возвращала ей жизнь. Лист за листом. Страница за страницей. Я умела чинить чужое. Своё — нет.

Костя в саду сидит на скамейке уже собранный, с рюкзаком на коленях, бледный как простыня. Увидел меня, не заплакал. Костя не плачет. Только смотрит своими серьёзными глазами, и я читаю: «Я же говорил».

— Пойдём, — беру его за руку.

По дороге домой он молчит. Я молчу.

Дома я сую градусник ему под мышку. 38,9. В аптечке последняя таблетка жаропонижающего.

— Мам, — Костя сидит на кровати, обнимает плюшевого зайца. — А мы бедные?

— Нет. Просто сейчас трудный период.

— А это не одно и то же?

Я смотрю на него. Три года. В его глазах — вся моя усталость.

— Если мы бедные, у нас нет еды, — говорю я. — А у нас есть яйца.

Он смотрит с сомнением.

— Яйца — это не еда.

— Яичница — еда. Будешь с кетчупом?

Костя думает. Потом кивает.

Я иду на кухню, разбиваю яйца в миску. Кира покушает в саду, я её специально вместе с Костей не забирала. Сегодня — только Костя. И я, конечно, скажу, что не голодна.

Жарю омлет. Костя смотрит на меня из смежной комнаты своими серыми глазами, которые умеют видеть насквозь.

— Мам, ты тоже будешь?

— Я не хочу.

Он молчит. Не верит. Говорит только:

— Вкусно пахнет.

Я несу тарелку. Он ест медленно, через силу. Трогает вилкой кусочек. Жуёт вечность. Я сижу рядом, смотрю на его затылок. Волосы тёмно-русые, влажные от температуры.

Доедает половину. Отодвигает тарелку.

— Я наелся.

— Врёшь.

— Немного вру, — шепчет.

— Кость, ложись.

— А ты посидишь со мной?

— Конечно. Посижу.

Он ложится, поджимает ноги к животу, обнимает зайца. Закрывает глаза. Через минуту дышит ровно. Уснул.

Я забираю тарелку. На донышке остался маленький кусочек. Съедаю. Вот и весь мой ужин.

На полке в углу стоит книга. Недореставрированная. Та самая, которую я начала четыре года назад. Думала, закончу через неделю. До сих пор лежит. Я иногда смотрю на неё и думаю: может, когда-нибудь у меня будут силы и время. А может, так и останется недошитой. Как мы с Димой. Как моя жизнь до детей и после.

Надо позвонить в сад, спросить про Киру.

Набираю номер. Татьяна Петровна отвечает сразу.

— Вера Алексеевна, как Костя?

— Температура высокая. Таблетку дала жаропонижающую, спит.

— Это хорошо. А мы тут рисуем, всё нормально.

— Татьяна Петровна, — я собираюсь с духом. — Я понимаю, это наглость, но... не могли бы вы привезти Киру домой? Костю одного не оставишь. Я заплачу за такси.

Она молчит.

Ладно, Вера Алексеевна. – Вздыхает. – Сад работает до семи. К половине восьмого привезу. Только в следующий раз так не пойдёт, я могу от заведующей за это получить.

— Спасибо. Огромное спасибо.

Кладу трубку. Полпятого. Через три часа Кира будет дома. Одна проблема отвалилась. Но остались другие.

Работы нет. Денег тоже. Достаю телефон. Открываю сайт по поиску работы.

За окном — дождь.

Ну и ладно. Выкрутимся.

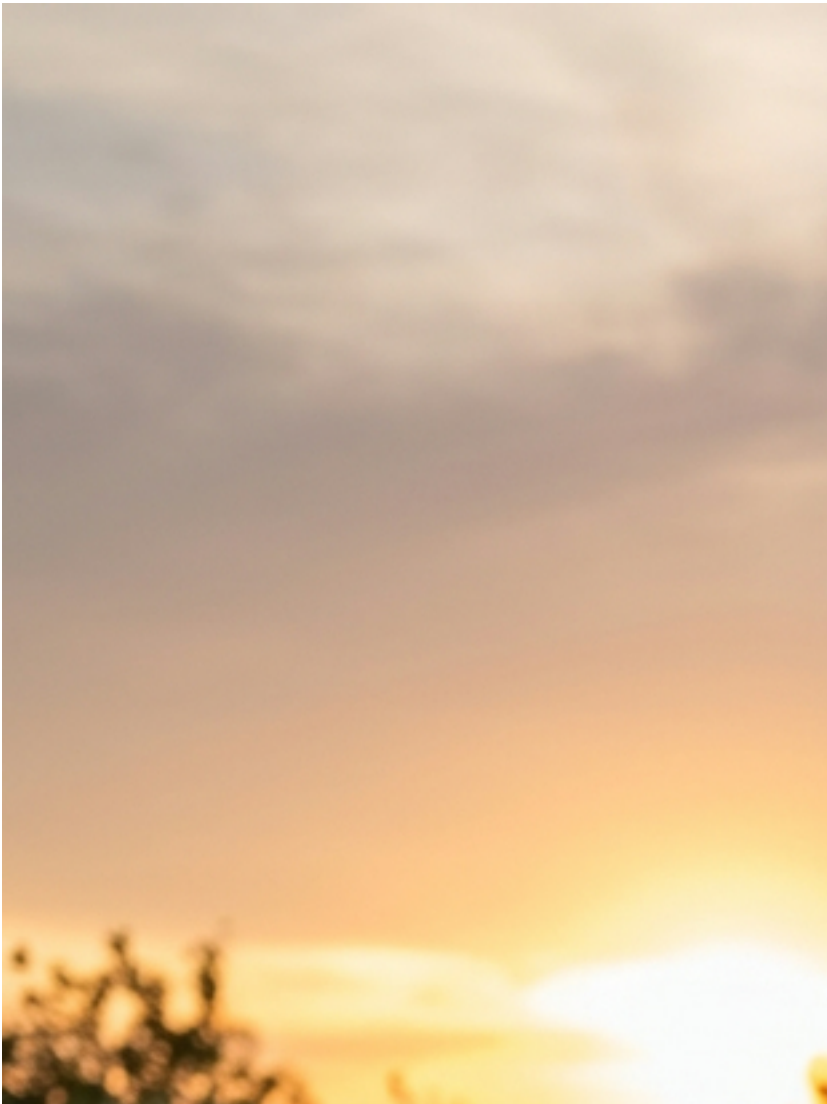
Знакомимся с героями

А вот и наши герои

Вера Захарова, 30 лет, реставратор книг и мама двойняшек.

Орлов Дмитрий, 36 лет, успешный хирург, владелец клиники

Глава 2

Четыре года назад я просыпалась иначе.

Я просыпалась от света, зимнее солнце пробивалось сквозь шторы и ложилось на подушку желтыми полосами. И еще от запаха. Кофе. Дима варил кофе на кухне.

Я открывала глаза и видела потолок. Высокий, белый, с лепниной по углам.

Рядом на тумбочке — iPhone 13 в силиконовом чехле. Трещина на экране, уронила месяц назад, всё никак не поменять стекло.

Мы снимали квартиру в старом доме на Чистых прудах, и лепнина была единственным, что мне там по-настоящему нравилось. Всё остальное — дурацкие обои в цветочек, скрипучие полы, вечно капающий кран было чужим. Но лепнина была прекрасна. Мы копили на квартиру. Но своё жильё в Москве – это дело совсем не дешёвое.

— Вера!

Дима кричал из кухни. Он всегда кричал. Он вообще всё делал громко: смеялся, говорил по телефону. Когда мы только познакомились, меня это раздражало. Я привыкла к тишине. Работа реставратора располагает к тишине, там каждое движение должно быть осторожным, выверенным. А Дима врывался в мою жизнь, как слон в посудную лавку, и первые полгода я не понимала, как с этим жить. А потом при-

выкла. А потом полюбила этот шум. Потому что это был его шум.

— Вера! У меня операция через два часа! Вставай пить кофе.

— Сам сварил — сам пей! Мне на работу позже. — кричала я в ответ, натягивая одеяло до подбородка.

Он появлялся в дверях спальни с чашкой в руке, взъерошенный, красивый.

У Димы были тёмные волосы и очень светлые глаза, и это сочетание всегда казалось мне каким-то невозможным. Как будто природа что-то напутала, но получилось хорошо.

— Я сварил тебе тоже, — говорил он и ставил чашку на тумбочку. — Вставай. Ты сегодня в мастерскую?

— Да. У меня заказ — французский томик восемнадцатого века. Кожаный переплет почти рассыпался, представляешь? Его держали на скотче. На скотче, Дима. Это преступление.

— Терпеть не могу книги. – усмехнулся он. - Они статичны. А я люблю, когда под ножом — живое.

Он смеялся. Он всегда смеялся, когда я начинала говорить о работе. Ему было неинтересно — он был хирургом, его миром были кости, мышцы, сухожилия, он не понимал, как можно волноваться о какой-то книжке. Но он слушал. Всегда слушал. Смотрел на меня и улыбался, и в эти моменты я чувствовала себя абсолютно счастливой.

— Ты у меня сумасшедшая, — говорил он. — Но краси-

вая.

— Это единственная причина, по которой ты на мне женился?

— Еще ты хорошо пахнешь.

Я кидала в него подушку. Он ловил ее одной рукой и падал на кровать , накрывая мня своим телом. Мы целовались, не могли остановиться, и часто это заканчивалось тем, что одежда летела на пол. Потом он смотрел на часы, вскакивал и говорил: «Всё, мне пора, там живой человек ждет». И уходил.

Я лежала и думала: господи, какая же я счастливая. Как же мне повезло.

Мастерская находилась в десяти минутах ходьбы от дома в подвальчике на Покровке. Когда-то там была булочная, а потом библиотека выкупила помещение и отдала его реставраторам.

Я знаю здесь каждый сантиметр. Тяжёлый, дубовый стол. На нём никогда не бывает беспорядка. Всё лежит чётко на своих местах, как в операционной.

Слева — микроскоп с подсветкой. Рядом — набор скальпелей. Хирургических. Дима смеялся, когда увидел: «Ты мои инструменты воруешь». Я не ворую. Просто бумага требует не меньшей точности, чем кожа.

Дальше — кисточки. Беличьи, колонковые, синтетика. Каждая для своего. Баночки с клеем. Метилцеллюлоза, желатин, крахмальный клейстер. Каждый состав для своей эпо-

хи, для своей бумаги. Я варю клей сама. Дима говорил: «Ты ведьма». Может быть.

И книги. Вдоль стен, на стеллажах, на полу, на подоконнике. В разной степени разрушения. Одни уже дышат на ладан. Корешки рассыпаются в труху при одном прикосновении. Другие просто ждут своего часа, у них еще есть время.

У дальней стены — мой любимый инструмент. Пресс для книг. Ручной, чугунный, с довоенным клеймом.

Всё это — моё. Было моим.

Я пришла в реставрацию случайно. После университета меня распределили в библиотеку. Скучная работа, формуляры, каталоги, пыль. А потом однажды я спустилась в подвал за какой-то книгой и увидела, как работает старый мастер. Ему было под восемьдесят, у него тряслись руки, но он всё равно реставрировал. Он сидел за столом, склонившись над страницей, и что-то делал тонкой кисточкой. Так осторожно, так бережно, как будто трогал не бумагу, а живую кожу.

Я простояла у двери минут пятнадцать. А потом сказала: «Научите меня». И он научил. Мне тогда казалось, что я нашла свое место. Что вот это — мое. Запах клея, тишина, старые книги, которые нужно спасать. Это было похоже на медицину, которой занимался Дима. Только он спасал людей, а я — книги. Мы были похожи. Мне казалось — мы были похожи.

В тот день, о котором я вспоминаю, всё было обычно. Я пришла в мастерскую, разложила инструменты, достала из

рюкзака телефон, вставила белые беспроводные наушники, включила плейлист и начала работать.

Книга, которую я реставрировала, называлась «Les Liaisons heureuses» — «Счастливые связи». Любовный роман, изданный в Париже в 1783 году. Его писал какой-то граф для своей возлюбленной. Я узнала это из дарственной надписи на форзаце: «Pour ma Sophie, pour toujours» — «Моей Софи, навсегда».

Я как раз работала над этой фразой. Кто-то залил её чернилами. Буквы почти не читались. «Pour toujours». Навсегда.

Я смачивала бумагу дистиллированной водой, ждала, когда чернила начнут расползаться. Тонкая кисточка, нольдва, беличья. Каждое движение как вдох. Неспешный. Аккуратный.

Буква за буквой. P — O — U — R. Потом пробел. T — O — U — J — O — U — R — S.

«Навсегда».

Я улыбнулась, когда буквы проявились. Сохранилось. Чудом. Сквозь века, сквозь чернила, сквозь чужую небрежность.

«Навсегда» не так просто уничтожить, — подумала я.

И вдруг вспомнилась Димина мать. На свадьбе она сказала:

«Дима хороший. Но если решит, что вы больше не нужны друг другу — отрежет, как аппендикс. Быстро. Без наркоза».

Я тогда рассмеялась. Он мой муж. Он меня любит. Как же

я пойму эти слова позже.

А потом пришёл Дима.

Это было неожиданно, он никогда не заходил в мастерскую в середине дня. У него всегда были операции, консультации, обходы. А тут вдруг открывается дверь, и он стоит на пороге в пальто, с мокрыми от дождя волосами, с каким-то странным выражением лица.

— Что случилось? — спросила я.

— Ничего. Просто захотел тебя увидеть.

— Ты никогда не заходишь просто так.

— А сегодня зашел.

Он сел на стул рядом с моим столом и стал смотреть, как я работаю. Это было необычно. Обычно он не мог усидеть на месте и пяти минут, а тут сидел, молчал, смотрел на мои руки. Я чувствовала этот взгляд и не понимала, что происходит.

— У тебя что-то случилось? — спросила я еще раз.

— Вера...

— Что?

Дима помолчал. А потом сказал то, после чего я перестала верить в «навсегда».

Дорогие читатели!

Если вам нравится моя история, не забудьте добавить книгу в библиотеку и поставить ей звёздочку. Ваша поддержка очень вдохновляет автора.

Приятного чтения!

Глава 3

— Клинику пытаются отжать. Юристы говорят, нужно срочно выводить активы.

Я отложила кисточку.

— Что это значит?

— Это значит, что нам нужно на время развестись. Фиктивно. Только на бумаге. А через год мы снова распишемся.

Слово «развестись» входит в грудную клетку. Во рту пересыхает. Пытаюсь сглотнуть — не могу. Глотка будто забита ватой.

Я не верила своим ушам.

— Рейдеры уже купили судью, — продолжает он. — Если я проиграю — опишут всё, что связано с моим именем. Квартиру, машину, счета. Всё.

— А я?

— Если мы в браке — ты тоже под ударом. Поэтому нужно развестись.

— Развод? Ты предлагаешь мне развод?

— Фиктивный. Это просто бумажка. Ты же понимаешь разницу?

Пальцы сжимают кисточку. Тонкое дерево скрипит. Треск — и ручка ломается. Беличья кисточка, ноль-два, моя любимая.

— Ты подписываешь отказ от имущества. Что у нас нет

совместно нажитого. Рейдеры видят — ты чиста. И не трогают тебя.

— А куда же оно денется, наше имущество? Квартира, которая строится? Машина? Твои счета?

— Я перепишу всё на третьих лиц. На маму, на партнёра. Через год, когда опасность пройдёт, всё вернётся. И мы снова распишемся.

Я не понимала, что он от меня хочет. Сидела в своей мастерской, среди книг, которые учили меня, что любовь — это навсегда, и смотрела на человека, который предлагал мне подписать бумаги о разводе.

В груди — всё та же пустота. Только теперь я понимаю: он не шутит.

Дима стоит у двери, в мокром пальто. Волосы прилипли ко лбу. Он выглядит уставшим.

— Ты предлагаешь мне отказаться от всего?

— Я предлагаю тебе защитить себя. Если ты не откажешься — по закону ты имеешь право на половину. А значит, рейдеры придут и к тебе.

— Ты с ума сошёл.

— Вера, послушай…

— Нет. — Я встаю из-за стола. Стул с грохотом отъезжает назад, ударяясь о стену. — Ты предлагаешь мне расторгнуть наш брак. Наш брак, Дима.

— Я клянусь, что верну всё обратно…

— А если не вернёшь?! — Голос срывается. Я не хочу

кричать, но не могу сдержаться. — Если через год ты скажешь: «Знаешь, Вера, нам так лучше»? Что тогда?

— Я не скажу.

— Откуда ты знаешь?!

Он делает шаг ко мне. Я отступаю. Упираюсь спиной в стеллаж с книгами. Старые корешки впиваются в позвоночник.

— Вера, я тебя прошу.

— Ты меня просишь? — Я смеюсь. Горько, почти истерично. — Ты меня просишь подписать бумаги, которые превращают нас в чужих людей? А если я не соглашусь?

— Тогда я потеряю клинику. Всё, что я строил десять лет. Всё, что у нас есть.

— У нас есть мы. Этого мало?

Он молчит. И в этом молчании — ответ.

— Вот так, да? — Мой голос ломается. Я чувствую, как к глазам подступают слёзы. Зажмуриваюсь. Не сейчас. Не здесь. — Клиника важнее.

— Не важнее. Но если я потеряю её, я потеряю и себя. Ты не представляешь, какие там люди. Они уже купили судью. Уже готовят документы. Если мы не сыграем на опережение — через месяц у меня ничего не будет. А ты хочешь быть женой нищего?

— А ты хочешь быть моим бывшим мужем?

Он замолкает.

Я сажусь обратно на стул. Ноги не держат. Смотрю на свои

руки. На обручальное кольцо.

— Дима, я не хочу разводиться.

— Я тоже.

Он садится на корточки передо мной. Берёт мои руки в свои. Его ладони горячие. Грубые. Руки настоящего хирурга.

— Я не хочу тебя терять, — говорит он тихо. — Но если я не сделаю этого сейчас, я потеряю всё. Понимаешь?

Я смотрю на него. В его глазах — усталость и страх.

— А если я откажусь?

— Тогда я не знаю, что буду делать.

— Ты найдёшь другой способ.

— Вера…

— Ты врёшь, что нет другого способа! Ты просто не хочешь его искать, потому что этот — самый лёгкий! Подписать бумаги, разбежаться на год, а потом вернуться — как ни в чём не бывало. Тебе так удобно.

— Удобно?! — Он встаёт. Голос повышает. — Ты думаешь, мне удобно просить жену о разводе? Ты думаешь, я хочу это делать?

— А кто тебя заставляет?!

— Обстоятельства!

Мы кричим друг на друга. Экспрессивно. Размахивая руками. Швыряя вещи.

Я замолкаю первой.

Слёзы текут. Я не могу их остановить.

— Ты обещаешь, что это только на год?

Он снова садится. Вытирает слёзы с моих щёк.

— Обещаю.

— Поклянись.

— Клянусь.

— Чем?

Он задумывается. Потом говорит:

— Нашими будущими детьми.

Я приподнимаю бровь.

— У нас ещё нет детей.

— Поэтому я и клянусь. Детьми, которых у нас не будет, если я тебя обманываю.

— Дима, я боюсь.

Он обнимает меня. Я утыкаюсь лицом ему в плечо. Пальто мокрое. Пахнет дождём и кофе.

— Я люблю тебя, — шепчет он. — Прости, что так вышло. Я не хотел.

— Я тебя тоже люблю.

Мы сидим так минуту. Две. Я не знаю, сколько.

Потом я отстраняюсь.

— Хорошо. Я подпишу.

Он выдыхает. Слишком громко. Слишком облегчённо.

— Но при одном условии.

— Каком?

— Если через год ты не вернёшься — я не буду тебя ждать.

Он смотрит на меня.

— Я вернусь.

Я закрываю глаза.
И верю.
Я верила ему. Абсолютно. Полностью. Каждому слову.

Глава 4

Юристы всё подготовили за неделю.

Дима протягивает мне папку. Кожаную, дорогую. На ней тиснёная надпись латиницей — название юридической фирмы.

— Здесь всё готово. Осталось только подписать.

Я беру папку. Открываю.

Бумаг много. Страниц двадцать. Мелкий шрифт, юридические обороты, которых я не понимаю. «В соответствии с п. 2 ст. 21 СК РФ…», «имущественные претензии сторон…», «отсутствие взаимных обязательств…»

— Дима, я ничего не понимаю в этом.

— И не надо. Это стандартный договор. Я всё проверил.

— Ты проверил. А я?

Он садится на край стола, смотрит на меня. Взгляд нетерпеливый, я знаю этот взгляд. Так он смотрит на медсестру, которая слишком долго готовит инструменты.

— Вера, у нас нет времени. Юристы сказали — сегодня до шести нужно отправить.

— Я не подпишу, не прочитав.

— Читай.

Он встаёт, отходит к окну. Скрещивает руки на груди. Смотрит на улицу. Я читаю.

Первые страницы — скучная юридическая вода. Всё вы-

глядит… формально. Как будто это не наш развод, а сделка по продаже чего-то не очень важного.

А потом я вижу пункт 4.3.

«Стороны не имеют взаимных имущественных претензий, включая, но не ограничиваясь: недвижимым имуществом, транспортными средствами, банковскими счетами…»

Я перечитываю три раза.

— Дима.

— Что?

Он оборачивается. Быстро. Слишком быстро.

— Что значит «не имеют имущественных претензий»?

— Стандартная формулировка для фиктивного развода.

— Но ты говорил, что переписываешь активы на третьих лиц. А здесь я отказываюсь от всего. И нет ни слова про возврат.

— Вера, это просто бумажка для рейдеров. Чтобы они видели: у нас ничего нет. Все остальные договорённости — устные. Ты же мне веришь?

Я смотрю на него. Он отводит взгляд. Всего на секунду. Но я замечаю.

— Дима, посмотри на меня.

Он смотрит.

— Ты меня обманываешь?

— Нет.

— Тогда почему ты отвёл глаза?

— Потому что я устал. — Голос становится жёстче. — Вера, я десять лет строил клинику. Я не сплю ночами. Я боюсь, что завтра придут люди в чёрном и заберут всё. А ты меня допрашиваешь о пункте 4.3, который юристы вставили потому что так надо.

Он подходит, берёт мои руки.

— Я люблю тебя. Я хочу защитить то, что у нас есть. Для этого нужно, чтобы ты подписала эти бумаги. Пожалуйста.

Он улыбается. Я закрываю глаза.

В голове — голос старого мастера. Он говорил: «В бумажном деле, девочка, доверяй только тому, что видишь».

— Хорошо. Где подписывать?

Он протягивает ручку. Я беру её. Ручка скользит — пальцы липкие от волнения.

Ставлю подпись на последней странице.

Потом на предпоследней.

Потом ещё на трёх, где он показывает пальцем.

Дима выдыхает. Целует меня в лоб.

— Ты умница. Спасибо.

Я убираю ручку. Смотрю на папку. На свою подпись — крупную, некрасивую. Всегда такую ставлю, когда нервничаю.

— Дима.

— Да, дорогая?

— Если ты меня обманул, я никогда тебя не прощу.

Он замирает на секунду.

— Я не обманываю.

Он выходит из мастерской, забирая папку. Я остаюсь одна.

Смотрю на книгу. Французский томик, любовный роман, страница, на которой остановилась. Она доверилась ему, и это было её ошибкой.

Я переворачиваю страницу. Продолжаю работать.

Вечером я закрыла мастерскую и пошла домой. На улице шел дождь — мелкий, декабрьский, противный. Я подняла воротник и зашагала быстрее. Дома горел свет. Дима ждал меня с ужином. На столе стояли две белые тарелки с золотым ободком, хрустальные бокалы с красным вином, несколько маленьких мисок с чем-то азиатским. Я разглядела рис, креветки, тонко нарезанную утку. Свеча в стеклянном подсвечнике горела, и свет от неё прыгал по стенам.

— Ты пытаешься меня задобрить? — спросила я. И рассмеялась.

— А получается?

— Немного.

Он обнял меня. Я прижалась к нему и закрыла глаза. думала — ничего страшного. Мы справимся. Это правда только бумажка.

Я не знала тогда, что пункт 4.3 оказался единственным, что имело значение. Всё остальное — вода. А этот пункт лишил меня всего. И подпись под ним — моя.

Глава 5

После того разговора в мастерской всё изменилось. Не сразу — постепенно, как будто кто-то медленно выкручивал лампочку, и свет становился всё тусклее и тусклее. Сначала я не замечала. Вернее, замечала, но придумывала объяснения. Стресс. Усталость. Проблемы с клиникой. Он же говорил — на него давят, ему угрожают, он едва спит по ночам. Конечно, он отдалился. Конечно, стал раздражительным. Это нормально. Это пройдет. Вот разберемся с разводом, с активами, с рейдерами — и всё вернется.

Я говорила себе это каждое утро. Каждый вечер. Каждую ночь, когда просыпалась в пустой постели и слышала, как он ходит по кухне — не спит, думает, переживает. Мне хотелось встать, обнять его, сказать: «Давай я позвоню юристам. Давай я помогу». Но я не вставала. Потому что он не просил. А когда он не просил, я не лезла. Так было заведено в нашей семье с самого начала.

Но дети — это было другое. Этого он хотел. Этого мы оба хотели.

Мы начали пытаться через год после свадьбы. Сначала легко, с шутками, с дурацкими приложениями на телефоне,

которые вычисляют овуляцию. Я рисовала ему графики, он смеялся, называл меня «профессором». Мы были уверены, что всё получится быстро. Дима вообще привык, что у него всё получается быстро. Он из тех людей, которые ставят цель и идут к ней напролом. Захотел стать хирургом — стал лучшим на курсе. Захотел свою клинику — построил. Захотел семью — женился на мне. А дети просто были следующим пунктом в его списке. Очередной вершиной, которую нужно взять.

Но проходил месяц за месяцем, а тесты показывали одну полоску. Одну и ту же, каждый раз, как приговор.

Я помню, как впервые увидела в его глазах разочарование. Не злость — разочарование. Это было страшнее. Это был взгляд человека, который привык получать желаемое по щелчку пальцев, а тут вдруг что-то пошло не так. Он смотрел на меня — и как будто не узнавал.

— Может, проверимся? — предложила я однажды. Мы сидели на кухне, был вечер, шел дождь, и капли барабанили по подоконнику. — Просто чтобы убедиться, что всё в порядке.

— Я хирург, Вера, — ответил он. — Я знаю, как работает тело. У меня всё в порядке.

Он не сказал «проблема в тебе». Он не сказал: «Сходи к врачу». Но именно это я услышала.

Мы всё-таки проверились. Вернее, проверилась я — сдала анализы, прошла осмотр, выслушала стандартное «всё в пределах нормы, иногда на зачатие уходит больше времени, не нервничайте». Дима свои анализы так и не сдал. Сказал — некогда. Сказал — я абсолютно здоров, у меня сперма, наверное, как у быка-осеменителя. Я смеялась, но смех получался натянутым. Потому что «некогда» — это когда ты откладываешь ремонт в прихожей или покупку нового пылесоса. А когда ты откладываешь проверку того, что мешает нам стать родителями, — это уже не «некогда». Это «я боюсь узнать, что проблема во мне».

Но я не говорила ему этого. Я вообще много чего ему не говорила.

Между тем попытки становились всё более механическими. Уже не было шуток, не было графиков на холодильник с дурацкими смайликами. Был овуляционный тест, который я делала в ванной, запершись, как будто это что-то постыдное. И был секс по расписанию — во вторник, в среду, в пятницу, лежи потом двадцать минут с поднятыми ногами, потому что так советуют на форумах. Мы уже не занимались любо-

вью. Мы выполняли протокол.

Дима отдалялся. Я чувствовала это физически — как будто между нами росла стена, кирпич за кирпичом. Каждый отрицательный тест — еще один кирпич. Каждый раз, когда он видел меня с календарем в руках, — еще один. Каждый раз, когда я говорила: «Давай попробуем в следующем месяце», — его глаза становились чуть холоднее. Он не кричал, не обвинял. Он просто отдалялся.

А потом началась атака на клинику. И он отдалился еще сильнее.

Я говорила себе — это просто стресс. Двойной стресс: дети не получаются и бизнес рушится. Он справится. Мы справимся. Главное — пережить этот год, этот дурацкий фиктивный развод, а потом всё наладится.

Неделю спустя он впервые не пришел ночевать. Позвонил, сказал —совещание с юристами, потом срочная операция, он останется в клинике. Я ответила: «Конечно, понимаю». И правда понимала. Или думала, что понимаю.

Еще через неделю он не пришел дважды. Потом трижды. Я звонила — он сбрасывал и писал эсэмэску: «На совещании. Позже». Я ждала «позже», но «позже» не наступало.

Я всё еще не била тревогу. Я говорила себе — клиника. Рейдеры. Стресс. Я варила ему ужин, он не приезжал, я убирала еду в холодильник. На следующий день варила снова. Он снова не приезжал. Я съедала ужин одна, глядя в телевизор.

Однажды я нашла в его кармане чек из ресторана. Ужин на двоих. Дорогое вино. Дата — вчера.

— Это с Сергеем из «МедИнвеста», — сказал он, даже не покраснев. — Он помогает с документами. Не хотел тебя грузить.

Я ничего не сказала.

Через два дня я попыталась заговорить. Сказала: «Нам нужно поговорить». Он смотрел в телефон, не отрываясь.

— О чём?

— О нас.

— Вера, не начинай. У меня тяжёлая неделя.

Он встал и ушёл на кухню. Через пять минут я услышала, как он разговаривает по телефону. Смеётся. Я не знала, что может быть смешного, когда у тебя «тяжёлая неделя».

Я боялась. Не правды — правду я, кажется, уже знала где-то глубоко внутри, просто не хотела доставать её на свет. Я боялась момента, когда придется признать: всё, что я себе рассказываю, — ложь. Фиктивный развод? Да. Но только он переставал быть фиктивным с каждым днем, с каждой но-

чью, когда он не приходил домой, с каждым сброшенным звонком.

А потом меня пригласили на «плановый осмотр».

Это Рожин позвонил. Сергей Рожин — партнер Димы, гинеколог, совладелец клиники. Мы были знакомы сто лет, он был на нашей свадьбе, мы вместе ужинали, вместе отмечали дни рождения. Я доверяла ему. Абсолютно.

— Вера, привет, — сказал он по телефону. Голос у него был приятный, обволакивающий — у всех гинекологов, наверное, такой голос, их специально этому учат. — Ты давно не проверялась. У нас новое оборудование, давай я тебя посмотрю. Заодно и поболтаем.

— А нужно? — спросила я. — Я нормально себя чувствую.

— Нормально — это не диагноз. Ты женщина взрослая, к тому же с проблемами зачатия, сама знаешь. Надо следить. Давай завтра, часика в три?

Я согласилась. А что тут такого? Обычный осмотр. Я же не знала. Господи, я же ничего не знала.

Клиника Орлова находилась в центре — новое стеклянное здание, которое Дима построил за год до нашего знакомства. Я приехала туда без пятнадцати три, поднялась на третий этаж, в гинекологическое отделение. В коридоре пахло — как всегда в больницах, — но здесь этот запах был какой-то дорогой. Антисептик, но не дешевый, а с чем-то цитрусовым. И мебель хорошая. И картины на стенах. Дима гордился своей клиникой, и было видно — он вложил сюда не только деньги, но и душу.

Рожин встретил меня в коридоре — в белом халате, с планшетом в руках. Высокий, светловолосый, с вечной полуулыбкой. Он всегда так улыбался — как будто знал что-то, чего не знаешь ты.

— Вера, ты прекрасно выглядишь, — сказал он и чмокнул меня в щеку. — Развод тебе к лицу.

— Он фиктивный, — напомнила я. — Это просто для защиты активов. Через год мы снова распишемся.

— Конечно, — улыбнулся Рожин. — Я знаю, Дима говорил. Пойдем в кабинет.

Кабинет у него был просторный, с панорамным окном и кожаным креслом для пациентов. Я села, сложила руки на

коленях. Рожин устроился напротив, положил планшет на стол.

— Давно не проверялась?

— Месяца три.

— А цикл регулярный?

— Да. Как часы.

Он кивнул, сделал пометку.

— На что жалуешься?

— Ни на что. Чувствую себя нормально.

— Странно, — сказал он, не поднимая глаз. — Обычно женщины к твоему возрасту уже находят как минимум десять поводов для жалоб.

Он улыбнулся. Я улыбнулась в ответ — на автомате.

— Боли? Выделения? Дискомфорт?

— Нет. Всё в порядке.

— А с зачатием как? Всё ещё пытаетесь?

Вопрос прозвучал буднично, но я почувствовала, как внутри что-то сжалось.

— Пытаемся.

— Сколько уже?

— Два года.

Он поднял глаза. Посмотрел на меня — впервые за весь разговор. Взгляд у него был странный. Я не поняла, что в нём странного. Но запомнила этот момент.

— Два года — это срок, — сказал он. — Давай посмотрим, что там у тебя.

Он встал, подошёл к УЗИ-аппарату. Я смотрела на его спину в белом халате и почему-то не могла оторвать взгляд от того, как он нажимает кнопки.

— Раздевайся до пояса и ложись на кушетку, — сказал он, не оборачиваясь.

Я разделась. Легла. Холодный гель на живот — я вздрогнула. Датчик скользил по коже, а я смотрела в потолок и считала плитки. Двадцать четыре. Если считать по диагонали — шестнадцать.

Рожин молчал.

— Сергей? — позвала я.

— М-м-м?

— Что-то не так?

— Тишина, Вера. Я работаю.

Датчик остановился. Я чувствовала его пальцы на своём животе — через гель, через датчик. Они не двигались. Просто лежали.

Я смотрела на экран, но ничего не понимала. Серые разводы. Мельтешение. Но Рожин смотрел туда, как будто видел что-то, что меняло всё.

А потом его лицо изменилось.

Это было почти неуловимо — движение бровей, складка у рта. Я заметила, потому что смотрела на него. Потому что в кабинете врача всегда смотришь на врача — ждёшь, что он скажет. И когда он замолчал, когда его пальцы замерли над клавиатурой, у меня внутри что-то оборвалось.

— Что? — спросила я. Голос сел. — Сергей, что там?

Глава 6

Он помолчал. Потом снял перчатки, отложил датчик, повернулся ко мне. И сказал голосом, обволакивающим, доверительным:

— Вера, у меня для тебя не очень хорошие новости. Присядь.

Я села. Сердце колотилось.

— Понимаешь... твои прежние анализы были неполными. А теперь я вижу кое-что, чего не видел раньше.

Он замолчал. Я ждала.

— На УЗИ есть признаки, которые меня настораживают. Я не могу поставить точный диагноз сегодня — нужны дополнительные анализы, гормоны, проверка проходимости труб. Но предварительный прогноз...

Он снова замолчал.

— Что? — выдохнула я.

— Если мои опасения подтвердятся, твои шансы забеременеть естественным путем будут очень низкими. Я бы сказал — меньше процента.

— Это бесплодие?

— Это диагноз, который мы не можем поставить сегодня. Но мы должны к нему готовиться.

Меня затошнило. Желудок сжался в тугой узел, и я подумала: сейчас меня вырвет. Прямо здесь, на кушетке, перед

ним. Я сжала челюсти, впилась ногтями в ладони. Тошнота отступила. Но осталась пустота. Та самая пустота в груди, которую я чувствовала в мастерской, когда он предложил развод. Только теперь она была в сто раз больше.

Мир не рухнул. Он просто остановился. Как будто кто-то нажал на паузу, и всё замерло — звуки, свет, воздух.

— Как это? — спросила я. Губы слушались плохо. — Ты же... мы же проверялись раньше. Всё было нормально. Ты сам говорил — в пределах нормы.

— Такие вещи иногда проявляются не сразу, — он говорил мягко, вкрадчиво, как говорят с тяжелобольными. — Это не приговор, Вера. Есть методы лечения. Стимуляция, ЭКО в конце концов. Но это долгий процесс и никаких гарантий.

— Ты ему скажешь?

— Я не имею права без твоего согласия.

— Но ты скажешь.

— Вера, он мой друг и партнёр. Он спросит. Я не смогу ему врать.

— А ты попробуй.

Он посмотрел на меня долгим взглядом.

— Ты уверена?

— Да.

— Хорошо. Я ничего не скажу. Но ты сама ему расскажешь. И чем раньше — тем лучше.

Я вышла из клиники с заключением в руке. Диагноз —

длинное латинское слово, которое я не смогла произнести вслух. Бесплодие. Я перечитывала его снова и снова, пока буквы не начали расплываться.

Я сжала лист. Он хрустнул, смялся в комок. Я смотрела на этот комок и думала: если я его выброшу — диагноз исчезнет? Нет. Не исчезнет.

На улице шел мокрый снег. Декабрь, грязь под ногами, серое небо. Я стояла на ступеньках клиники и не знала, куда идти. Домой? К Диме? В мастерскую? Господи, я же всегда хотела детей. Я представляла, как буду держать на руках нашего первенца — темноволосого и серьезного, как Дима. Или рыжего и смешливого, как я. Я представляла, как он будет читать ребенку на ночь, а я буду стоять в дверях и думать: вот оно, счастье. Вот то, ради чего всё.

Я набрала его номер. Гудок. Второй. Третий.

— Да? — голос усталый, торопливый, он явно был занят.

— Дима, мне нужно с тобой поговорить.

— Я занят. Давай вечером.

— Это важно. Очень.

Он помолчал.

— Что случилось?

— Я была у Рожина. Он сказал... он сказал, что я бесплодна. Что у меня меньше процента.

В трубке — тишина. Долгая. Слишком долгая. Я слышала его дыхание и представляла, как он стоит где-то в коридоре клиники, в своем хирургическом костюме, и переваривает

эту новость. Наверное, думает о том, как странно устроена жизнь. Мы так старались, так мучительно пытались зачать, а теперь оказывается, что всё это было зря. Что во мне что-то сломано, причем фатально.

— Дима?

— Я здесь.

— Ты что-нибудь скажешь?

— Я не знаю, что сказать.

Голос у него был чужой. Плоский. Как будто он разговаривал с пациентом, которому только что сообщил, что операция невозможна.

— Ты злишься? — спросила я.

— На кого?

— На меня.

— За что?

— За то, что я сломана.

Он помолчал. Слишком долго.

— Я приеду вечером, — сказал он. — Поговорим.

И повесил трубку. Он не сказал «это не твоя вина». Не сказал «мы справимся». Он сказал «поговорим». Как будто нам надо было обсудить условия контракта.

Он не приехал. Ни вечером, ни ночью, ни на следующий день. Я ждала его в пустой квартире, перечитывая дурацкое заключение, и где-то глубоко внутри уже знала — всё кончено. Он не выдержал. Не выдержал того, что его идеальный план дал трещину. Сначала дети не получались — это уже

было ударом по его самолюбию. А теперь выясняется, что и не получатся. Что жена, которую он выбрал, — бракованная.

Я смотрела на телефон и впервые за долгое время чувствовала не боль, а злость. Холодную, тягучую, как ртуть. Он обещал — и не приехал.

Я набрала его номер. Не чтобы умолять. Не чтобы спросить «ты меня ещё любишь?». Я набрала, потому что хотела сказать:

— Ты — трус. Ты обещал приехать и не приехал. Ты сказал «поговорим» и сбежал.

Я не сказала этого. Потому что он не взял трубку. Сбросил после первого гудка.

Тогда я написала ему сообщение. Одно слово:

«Трус»

А через три дня я поняла, что он не вернётся никогда. Не потому что он сказал. Он ничего не сказал. Просто его вещи исчезли из шкафа. Зубная щётка — из стакана. Ноутбук — со стола.

Он выбрался, пока меня не было. Как вор. Как человек, который не хочет смотреть в глаза.

Я стояла посреди спальни и смотрела на пустую половину шкафа. Там осталась только моя одежда. И вешалки. Три пустые вешалки.

Смотрела на них и не могла отвести взгляд.Думала о заключении Рожина. Меньше процента. Бесплодна. Не могу иметь детей.

Господи, если бы я только знала тогда, что это ложь. Что всё это — от начала до конца — ложь. Что мой муж просто поверил бумажке, поверил другу, поверил красивой медсестре — и выбросил меня, как отработанный материал.

Но я не знала. Я верила. Я доверяла. И эта вера меня уничтожила.

Он пришел через четыре дня.

Я уже перестала ждать. Перестала вздрагивать от каждого шороха в подъезде, перестала смотреть на телефон, перестала готовить ужин на двоих. Я вообще много чего перестала за эти четыре дня. Например, спать. Или есть. Или верить, что всё еще можно исправить.

В тот вечер я сидела на кухне. На плите остывал рис — я сварила его механически, просто чтобы чем-то занять руки. В квартире было тихо.

Звонок в дверь раздался в десятом часу. Я открыла. Он стоял на пороге — в пальто, с мокрыми от дождя волосами, с темными кругами под глазами. Красивый. Даже сейчас, даже такой — красивый. И чужой.

— Можно войти? — спросил он.

Я отступила в сторону. Он прошел в прихожую, снял пальто. Пальто пахло дождём и его одеколоном. Я вдыхала этот запах и чувствовала, как к горлу подступает ком.

— Чаю хочешь? — спросила я. Глупый вопрос. Идиотский. Но надо было что-то сказать.

— Нет. Я ненадолго.

Мы прошли на кухню. Он сел за стол — на свое место, у окна. Я осталась стоять у плиты. Между нами было два метра и четыре года брака.

— Я слушаю, — сказала я.

Он молчал. Смотрел на свои руки, сложенные на столе. Руки хирурга — сильные, уверенные, с длинными пальцами. Эти руки держали меня, обнимали, гладили по голове, когда мне было страшно. А теперь они лежали на столе, и он не знал, куда их деть.

— Вера, я не знаю, как это сказать.

— Скажи как есть. Ты же всегда говоришь как есть.

Он поднял глаза. И я увидела в них то, чего боялась больше всего. Не злость. Не раздражение. Жалость. Он жалел меня. Как жалеют безнадежно больных. Как жалеют тех, кому уже ничем не поможешь.

— Я много думал эти дни. О нас. О диагнозе. О будущем.Рожин всё объяснил, — сказал он. — Я ему верю.

— Ты ему веришь? — переспросила я. — Ты — врач. Ты знаешь, что ошибаются даже лучшие.

— Вера, не начинай...

Он посмотрел на меня и сразу отвёл глаза.

— И что ты надумал? — спросила я.

Глава 7

— Ты же знаешь, как я хотел детей. Мы оба хотели. Мы пытались два года. Два года, Вера. Каждый месяц, каждый тест, каждый раз, когда ты смотрела на одну полоску, — я видел, как ты умираешь внутри. И я умирал вместе с тобой.

Он замолчал. Я тоже молчала. Потому что сказать было нечего. Всё, что он говорил, было правдой.

— Когда Рожин объяснил мне про диагноз... — он запнулся. — Я не мог в это поверить. Сначала не мог. А потом подумал: всё встало на свои места. Вот почему у нас не получалось. Вот в чем было дело. И это не лечится, Вера. Ты понимаешь? Это не лечится.

Я вспомнила экран УЗИ. Серое месиво, в котором я ничего не поняла. Рожин водил пальцем, что-то объяснял, а я кивала.

— Рожин сказал, есть методы, — тихо произнесла я. — Стимуляция, ЭКО...

— С вероятностью меньше процента? — он покачал головой. — Я врач, Вера. Я знаю, что такое «меньше процента». Это значит «никогда». Это значит, что мы можем потратить годы, деньги, нервы — и всё равно остаться ни с чем. Я не могу так. У меня не осталось на это сил. У меня клиника под атакой, у меня рейдеры дышат в спину, у меня партнеры требуют решений, а я... я просто хочу, чтобы у меня было буду-

щее. Понимаешь? Будущее. То, ради чего я всё это строил.

Я смотрела на него и не узнавала. Нет, внешне это был он. Тот же голос, те же глаза, тот же шрам над бровью. Но внутри сидел кто-то другой. Кто-то, кто говорил о будущем так, будто меня в этом будущем уже нет.

— Ты хочешь детей, — сказала я. — Я понимаю. Но при чем здесь я? Мы можем попробовать. Мы можем найти другого врача, можем поехать за границу, можем...

— Вера, — перебил он. И от того, как он это сказал — мягко, почти нежно, — у меня всё оборвалось внутри. — Дело не только в диагнозе. Я не ночевал дома не потому, что был занят.

Я молчала. Я смотрела на него, и картинка складывалась, как пазл. Чек из ресторана. Запах чужих духов. Сброшенные звонки. «На совещании». «Позже перезвоню». «Не жди».

— Кто она? — спросила я. Голос был чужим, ровным, спокойным, как будто не мой.

— Это не важно.

— Кто она, Дима?

Он вздохнул и опустил глаза.

— Карина. Моя операционная медсестра. Ты ее видела пару раз.

Карина. Я вспомнила ее сразу. Высокая, темноволосая, с вечной улыбкой на ярко накрашенных губах. Она ассистировала ему на операциях, подавала инструменты, смотрела на него с обожанием снизу вверх. Я видела этот взгляд. Я за-

мечала его и раньше, но не придавала значения. Мало ли кто как смотрит на моего мужа. Он же мой. Он же меня любит.

— И давно? — спросила я.

— Не в этом дело. Дело в том, что Карина беременна.

Меня затошнило. Желудок сжался в тугой узел, как тогда, у Рожина. Только теперь тошнота была не от страха — от отвращения. К нему. К ней. К себе — за то, что я до сих пор стою здесь и слушаю.

Беременна. Это слово ударило меня под дых. Резко, сильно, так что я на секунду перестала дышать. Карина беременна. Медсестра, которая ассистировала ему на операциях, носит его ребенка. А я — жена, с которой он прожил четыре года, — не могу. Не способна. Бракованная.

Я хотела спросить: «А ты уверен, что это твой ребёнок?» Но не спросила. Потому что поняла: ему всё равно. Ему нужна была причина уйти. А ребёнок — превосходный повод.

Смотрела на него и чувствовала, как что-то рвётся внутри. Последняя нить, которая держала меня в этом браке.

— Ты спишь с медсестрой, делаешь ей ребёнка, а потом приходишь ко мне — и говоришь, что я виновата, что наш брак развалился? — спросила я.

— Ты понимаешь, — говорил он, и его голос доносился как будто издалека, — я не планировал этого. Это вышло случайно. Один раз. Я был пьяный, разбитый, после новостей о клинике, после всего. Я не хотел. Но теперь... она носит моего ребенка, Вера. Моего. А ты — ты не можешь. И я

должен сделать выбор. Я должен думать о будущем.

— Идиот, — сказала я. Спокойно. Почти ласково. — Ты просто идиот, Дима. Если ты думаешь, что ребёнок — это единственное, что делает семью.

Я стояла, прислонившись спиной к плите, и чувствовала, как холод от металла проникает сквозь одежду. Где-то на плите остывал рис. Капал кран. За окном шел дождь. А мой муж говорил мне, что выбрал другую.

— Ты говорил — фиктивный развод, — сказала я. — Ты говорил — на год. Ты клялся.

— Я знаю, — он потер лицо ладонями. — Я знаю. Но обстоятельства изменились. Я не могу ждать год, Вера. У меня будет ребенок. Через восемь месяцев. Я должен быть с ним. Я должен быть с его матерью. Ты же понимаешь?

Я не понимала. Я смотрела на него и думала: вот человек, с которым я прожила четыре года. Вот человек, которому я верила. Которому я отдала себя — всю, без остатка. Вот человек, который сейчас сидит за моим столом и объясняет мне, почему он выбрал другую.

— Ты даже не попросил прощения, — сказала я.

— А что бы это изменило?

— Ничего. Но ты даже не попробовал.

Он встал. Подошел ко мне, протянул руку — то ли коснуться плеча, то ли просто попрощаться. Я отшатнулась.

— Не трогай меня.

— Вера...

— Не трогай меня, Дима. И не приходи больше.

Он постоял еще секунду, опустил руку и пошел в прихожую. Я слышала, как он надевает пальто, как открывает дверь, как замирает на пороге.

— Я не хотел, чтобы так вышло, — сказал он. — Я правда тебя любил.

— Уходи.

Дверь закрылась. Я осталась одна, и квартира вдруг стала чужой. Она будто выдохнула. В этом выдохе пропало всё: его запах, его вещи, его обещания. Остались только стены. И я.

Я не плакала. Не кричала. Не била посуду. Я просто стояла у плиты и смотрела в одну точку. А потом меня затошнило.

Сначала я подумала — нервы. Такое бывает. Стресс, потрясение, организм дает сбой. Но на следующий день тошнота повторилась. И еще через день. И еще.

Я купила тест в аптеке у вокзала , подальше о дома, чтобы в очереди не столкнуться с какой-нибудь любопытной соседкой. Протянула деньги, взяла коробочку, спрятала в карман. Продавщица посмотрела на меня как-то странно, но ничего не сказала.

Дома я заперлась в ванной. Разорвала упаковку, прочитала инструкцию, хотя знала ее наизусть,я делала это десятки раз за последние два года. Десятки тестов, десятки надежд, десятки разочарований.

Я сделала всё как положено. Положила тест на край раковины и стала ждать. Две минуты. Сто двадцать секунд. Я

считала про себя — раз, два, три. Где-то на восьмидесяти семи я сбилась и начала сначала.

А потом посмотрела.

Две полоски. Четкие. Яркие.

Я поднесла тест к лампе. Две полоски. Перевернула. Посмотрела на обратную сторону. Две полоски. Я протёрла тест пальцем. Вдруг это грязь, блик, обман. Нет. Полоски были там, где им положено быть. Чёткие. Наглые. Неопровержимые.

Я держала тест в руке и смотрела на него, и не могла понять — плакать мне или смеяться. Я здорова. Я всегда была здорова. Рожин ошибся или солгал. Мой муж бросил меня, потому что поверил ложному диагнозу, и теперь где-то там, в своей новой жизни, ждет ребенка от медсестры. А я стою здесь, в пустой квартире, с двумя полосками на тесте и с жизнью, которая никогда не будет прежней.

Я опустилась на пол, прямо на холодный кафель, прижала колени к груди и засмеялась. Смех перешел в плач, а плач — снова в смех. Я смеялась и плакала одновременно, потому что не знала, что еще делать. Мой муж меня бросил. Я бесплодна. Я беременна. Всё это было правдой, и всё было ложью.

Позже я поняла: он не поверил бумажке. Он просто не захотел проверять. Потому что диагноз был ему удобен. Удобная правда, которая не требует действий.

Я положила руку на живот и сказала вслух:

— Только я и ты. Только мы. Больше никто.

Я не знала, как буду растить ребёнка одна. Не знала, где буду жить, на что буду есть, как буду работать. Но я знала одно: он не получит этого ребёнка. Даже если будет умолять. Даже если приползёт на коленях. Этот ребёнок — только мой.

Я еще не знала, что там не «ты», а «вы». Но это было уже не важно. Важно было одно: я здорова.

Глава 8

Я узнала об этом случайно. Хотя «случайно» — не то слово. В мире, где у каждого есть телефон с выходом в интернет, невозможно оставаться в неведении долго. Особенно когда твой бывший муж — известный хирург, владелец клиники, человек, чье имя то и дело мелькает в новостях.

Я не искала. Честное слово, не искала. Я вообще старалась не думать о нем. Первые дни после его ухода я просто лежала на кровати и смотрела в потолок. В квартире всё ещё пахло им. Не сильно — так, на грани восприятия. Его запах въелся в шторы, в подушки, в мою кожу. Я открыла окно — февральский холод хлынул в комнату, смешался с этим запахом, но не выветрил его.

Через несколько дней заставила себя выйти на улицу, сходила в мастерскую и забрала свои инструменты. Сказала коллегам, что беру отпуск по семейным обстоятельствам. Они смотрели на меня с жалостью — значит, уже знали. В библиотеке вообще всё всегда знали раньше, чем сами участники событий.

В один из дней я открыла ноутбук и набрала его имя в поиске. Просто так. Просто чтобы посмотреть. Просто чтобы убедиться, что он еще существует где-то в этом мире — ходит, дышит, живет.

Новость висела первой строкой.

«Известный хирург Дмитрий Орлов женился на операционной медсестре Карине Светловой. Пара ожидает первенца».

Я прочитала заголовок три раза. Потом открыла статью. Там была фотография — Дима в костюме, серьезный, сосредоточенный, и Карина в белом платье, с сияющей улыбкой, с рукой на животе. Её живот был еще плоским, но жест говорил сам за себя. Смотрите все — я беременна. Смотрите все — он мой.

Дата публикации — вчера. Они поженились вчера. Через два месяца после того, как он сказал мне: «Я правда тебя любил». В прошедшем времени. Любил. Как будто меня уже нет.

Мне стало холодно. Не снаружи — изнутри. Как будто кто-то открыл дверцу морозилки прямо у меня в груди. Пальцы на руках онемели. Я пошевелила ими, они не слушались. Я смотрела на экран, но буквы расплывались.

Я не дышала. Наверное, секунд десять. Потом выдохнула и поняла, что всё. Точка. Он больше не вернётся.

Закрыла ноутбук. Открыла. Снова посмотрела на фотографию. Карина была красивая — этого не отнять. Высокая, темноволосая, с острыми скулами и кошачьим разрезом глаз. Она смотрела в объектив так, будто выиграла главный приз. И, наверное, так оно и было. Она выиграла. А я проиграла.

Но у меня было кое-что, о чем она не знала. Кое-что, о чем не знал никто.

Я положила руку на живот. Там, внутри, уже росла жизнь.

Был ли диагноз Рожина правдой? Я не знала. Может, он ошибся. Может, я просто из того самого процента, который не значит «никогда». Может, он солгал, но у меня не было доказательств. Только тест с двумя полосками. И живот, который начинал округляться.

Но какая разница? Я беременна. Этого у меня не отнять.

А Карина беременна тоже. Две женщины. Две беременности. Одна — «бесплодная», вторая — «плодовитая». И он выбрал ту, что проще.

Может, Рожин ошибся. Может, нет. Может, Карина всё подстроила. Может, это просто совпадение. Я не знала. И никогда не узнаю.

Но одно я знала точно: он сделал выбор. Он не проверял. Он не сомневался. Он просто поверил — и ушёл.А я осталась в стороне.

И знаете, что я почувствовала? Не горе. Не обиду. Даже не злость — пока. Первое, что я почувствовала, было странное, горькое облегчение. Потому что теперь всё встало на свои места. Теперь я понимала, как он принимает решения. И теперь я могла выбрать — звонить или нет.

Я могла бы позвонить. Прямо сейчас. Сказать: «Дима, я беременна. От тебя».

Я представляла себе этот разговор. Представляла его лицо — как оно вытянется, как он начнёт что-то говорить, запинаться, оправдываться. Представляла, как он примчится,

будет просить прощения, говорить, что всё исправит.

Я представляла всё это и не звонила.

Потому что следом за первой картинкой приходила вторая. Он возвращается. Не потому что любит. А потому что я могу родить. Потому что я оказалась «не бракованная». Он возвращается не ко мне- он возвращается к своему наследнику. Он смотрит на мой живот, а не на меня. Он говорит «прости» не потому, что понял, а потому, что обстоятельства изменились. Снова.

Может, я ошибалась. Может, он бы и правда раскаялся. Может, диагноз был ложным, и он стал бы жертвой обмана, а не предателем. Я не знала.

Но я знала одно: я не хочу жить с человеком, которому нужно доказывать, что я чего-то стою. Я не хочу проверять, вернётся ли он, если я позвоню. Я не хочу быть вариантом «потому что получилось».

Я выбрала себя.

Закрыла ноутбук. Встала. Подошла к окну. За стеклом был серый февраль — мокрый снег, грязные машины, редкие прохожие. Я смотрела на всё это и чувствовала, как внутри меня что-то затвердевает. Как будто там, где раньше была любовь, теперь росла кость. Холодная, твердая, несгибаемая.

Я не скажу ему. Ни сейчас, ни потом. Никогда.

Он отказался от меня, когда думал, что я пустая. Он выбрал другую. Он женился на ней через месяц после развода. Такой человек не заслуживает знать, что у него есть дети.

Не заслуживает видеть, как они растут. Не заслуживает слышать, как они смеются.

Я справлюсь сама. Я справлялась и до него — справлюсь и после. У меня есть руки, голова и диплом реставратора. У меня есть мастерская, куда я могу вернуться. С квартиры правда придётся съехать, потому что на такую аренду я ее зарабатываю, но это не важно. Сейчас главное — я. И ребенок. И больше никто.

Я села за стол, достала лист бумаги и начала писать список. Я люблю списки. Они помогают думать.

Первое. Найти другого врача. Настоящего, не из клиники Орлова. Встать на учет, сдать анализы. Убедиться, что с ребенком всё в порядке.

Второе. Уволиться из библиотеки. Я и так собиралась — после развода там стало невыносимо. Слишком много взглядов, слишком много шепота за спиной.

Третье. Продать, подаренные Димой украшения. Хватит на первое время.

Четвертое. Снять жилье подешевле. Подальше от центра. Подальше от людей, которые знают меня как «бывшую жену Орлова».

Пятое. Рожать. Растить. Выжить.

Я перечитала список. Всё было просто и страшно. Но страх — это нормально. Страх — это топливо. Когда тебе страшно, ты двигаешься быстрее.

Я встала, оделась и поехала в женскую консультацию на

другом конце города. В ту, где никто не знал ни меня, ни Диму, ни клинику Орлова.

У меня долго не получалось сделать УЗИ, смогла только на 17 неделе беременности. Врач — пожилая женщина с усталыми глазами и теплыми руками — осмотрела меня, сделала УЗИ.

Холодный гель скользнул на живот. Я вздрогнула. Датчик заходил по коже плавно, неторопливо, как будто выписывал круги.

— У вас двойня, голубушка. Поздравляю. Мальчик и девочка, с вероятностью девяносто процентов.

Я закрыла глаза. Слёзы потекли сами — я не могла их остановить.

— Слышите? — спросила врач.

Сердцебиение. Два сердца — одно чуть быстрее, другое чуть спокойнее. Они стучали в унисон, переплетались, как будто разговаривали друг с другом.

— Слышу, — прошептала я. — Обоих.

Я вышла из консультации и села на скамейку в сквере. Двойня. Двое. Мальчик и девочка. Я сидела, смотрела на голые деревья и серое небо — и улыбалась. Впервые за много недель. Потому что теперь у меня было всё. У меня была правда. У меня была цель. И у меня были они — мои дети, которые вырастут без отца, но зато с матерью, которая никогда их не предаст.

Я провела рукой по животу и сказала тихо:

— Только я и вы. Нас трое. И мы справимся.

И мы справились. Но это была уже совсем другая история. Которая началась четыре года спустя, в парке, когда черный автомобиль остановился напротив парка и из него вышел мужчина, которого я надеялась никогда больше не увидеть.

Но до этого было еще четыре года. Четыре года борьбы. Четыре года одиночества. Четыре года, которые изменили всё.

Глава 9

Утро началось с того, что у нас кончилось молоко. Бутылка стояла на месте, но молока в ней не было. Кто-то из маленьких диверсантов выпил остатки и вернул улику обратно.

Я стояла перед открытым холодильником и смотрела на пустую бутылку так, будто молоко могло появиться само собой, если достаточно долго и пристально на него смотреть. Не появилось. Зато появилась Кира — босая, лохматая, в пижаме с зайцами, которые когда-то были белыми, а теперь стали серыми от частых стирок.

— Мам, я есть хочу.

— Сейчас, — сказала я, не оборачиваясь. — Иди умойся сначала.

— Я не хочу умываться. Я хочу есть.

— Кира, умываться, а потом есть. Мы это сто раз обсуждали.

— Сто раз — и всё равно неправильно, — пробормотала она, но в ванную поплелась.

Я закрыла холодильник и прислонилась к нему спиной. Молока нет. Денег нет. Работы нет. Ночью я просидела за ноутбуком до трёх, просматривала вакансии, рассылала резюме, отвечала на какие-то дурацкие тестовые задания для очередного кадрового агентства. Откликнулась на десять объявлений. Администратор, оператор колл-центра, помощник

бухгалтера без опыта. На последнее даже не надеялась, но всё равно отправила.

Костя проснулся тихо, как всегда. Я услышала скрип раскладушки, и через минуту он появился в дверях кухни — сонный, чуть помятый, с отпечатком подушки на щеке. Он постоял секунду, глядя на меня, потом подошёл и молча уткнулся лицом мне в живот. Я запустила пальцы в его волосы. Они были мягкие и немного влажные, он всегда потел во сне.

— Доброе утро, — сказала я.

— Утро, — ответил он мне в живот.

— Как себя чувствуешь?

— Нормально.

— Горло не болит?

Он покачал головой, не отрываясь от меня. Я потрогала его лоб. Не горячий. Слава богу, хоть что-то сегодня было в порядке.

Я сварила гречку. Кира, вернувшись из ванной с мокрой чёлкой и недовольным лицом, уставилась в тарелку с таким выражением, будто я подала ей яд.

— Опять гречка?

— Опять.

— А хлеб?

— Хлеба нет. И масла нет. И колбасы нет. Есть гречка.

Кира вздохнула и принялась ковырять гречку ложкой. Костя ел молча, как всегда, методично и аккуратно, как буд-

то выполнял важную работу. Я смотрела на них и пыталась придумать, что делать дальше.

Вчера меня уволили. Продукты заканчиваются. Завтра нам нечем будет платить за квартиру. Я могла бы попросить у хозяйки рассрочку. Она была не злой женщиной, но отсрочка не решала проблему. Отсрочка просто откладывала неизбежное.

Я могла бы продать мамино кольцо. Оно лежало в коробке со старыми фотографиями. Мама умерла, когда мне было двадцать, и кольцо было единственным, что от неё осталось, если не считать бабушкиных серёг. Я берегла их на чёрный день, вот когда совсем-совсем край, тогда продам. Кажется, край наступил.

— Мам, — Кира оторвалась от гречки и посмотрела на меня, — а мы сегодня пойдём гулять?

Я посмотрела в окно. На удивление, день был ничего. Не мороз, не слякоть — просто прохладный декабрь, серое небо, сухой асфальт. Ветра почти нет. Для декабря — почти подарок.

— Ладно, — сказала я. — Пойдём. Но сначала доедим завтрак.

— Ура! — Кира засунула в рот сразу полную ложку и зажмурилась от предвкушения прогулки. — Костя, ты слышал? Мы идём гулять!

Костя кивнул и продолжил есть. Он никогда не радовался бурно, но я видела, как уголки его губ чуть-чуть дёрнулись

вверх — для него это было больше, чем улыбка.

Через полчаса мы вышли из подъезда. Кира надела шапку с помпоном — ту самую, которую терпеть не могла, потому что помпон был «как у клоуна», но сегодня была готова на любые уступки. Я замотала её шарфом до самых глаз, Костю закутала в пуховик, из которого он вырос ещё в прошлом году, и мы отправились в парк.

Парк был почти пустым. Несколько мамаш с колясками на центральной аллее да старушка с собакой, похожей на мохнатую табуретку. Я прикрыла глаза и глубоко вдохнула. На губах остался привкус декабря — морозный, чуть горьковатый, с тонкой нотой сухой травы и далёкого костра. Кто-то топил печь в частном секторе за парком, и дым примешивался к холодному воздуху.

Голуби, нахохлившись, сидели на спинке скамейки и не двигались. Им тоже было холодно.

Кира немедленно побежала к голубям. Они лениво взлетели и тут же сели обратно. Видимо, тоже не хотели тратить лишнюю энергию.

— Мам, они жырные! — крикнула Кира через весь парк. — Смотри, какие жирные!

— Не кричи, — сказала я. — И не обзывай голубей. Они не жирные, они упитанные.

— А какая разница?

— Упитанный — это когда красиво. Жирный — это обидно.

Кира задумалась над этой информацией.

Я села на скамейку и притянула Костю к себе. Он прижался к моему боку и стал смотреть на голубей. Мы сидели так минут пять, просто молча, и я чувствовала, как внутри понемногу отпускает. Ночные поиски работы, пустой холодильник, мысли о кольце — всё это отошло на второй план. Сейчас были только мы, парк и голуби.

— Мам, — сказал вдруг Костя.

— Что?

— А тот дядя на фотографии, которая в коробке. Ты ночью смотрела. Он кто?

Я замерла. Он видел. Ночью, когда я сидела на кухне, открывала коробку, смотрела на кольцо и на нашу с Димой свадебную фотографию. Он, наверное, проснулся — попить или в туалет, — подошёл тихо, сзади, я не услышала. Увидел снимок у меня в руках. И ничего не сказал. Просто запомнил. Как всегда — запомнил и ждал момента.

— Это старый знакомый, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Очень старый. Мы с ним давно не виделись.

— А почему?

— Потому что так бывает. Иногда люди перестают видеться. Не потому, что кто-то плохой. А потому что жизнь так поворачивается.

Костя помолчал, переваривая.

И в этот момент я подняла глаза и увидела, как к дальнему

входу в парк подъезжает чёрный автомобиль.

Это был дорогой автомобиль. Очень дорогой. Такие не паркуются у нашего парка, в нашем районе, среди хрущёвок и старых ларьков. Такие автомобили паркуются в центре, у стеклянных бизнес-центров и ресторанов с французскими названиями.

Машина остановилась у обочины. Дверца открылась. Из машины вышел мужчина. Высокий, в тёмном пальто. Он не сразу прошёл в парк. Сначала остановился у входа, огляделся по сторонам, как будто искал кого-то или что-то. Потом сделал несколько шагов по аллее и снова остановился. Он явно кого-то высматривал.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри всё холодеет. Я узнала его сразу. По развороту плеч. По тому, как он придерживал дверцу машины, выходя. По тому, как он стоял — чуть наклонив голову, будто прислушиваясь к чему-то внутри себя.

Дима.

Внутри всё оборвалось. Пустота в груди, которую я чувствовала в мастерской, когда он предложил развод, вдруг заполнилась льдом. Холод пошёл оттуда, растекаясь по рёбрам, по животу, по рукам.

Он меня не видел. Он стоял метрах в тридцати и смотрел куда-то вглубь парка, мимо нас.

А потом повернул голову. И увидел.

Сначала меня. Потом перевёл взгляд на Киру — она как

раз бежала обратно к скамейке, раскрасневшаяся, в своей дурацкой шапке с помпоном. Потом на Костю — тот по-прежнему прижимался к моему боку.

Дима замер. Просто замер. Несколько секунд он стоял неподвижно. Потом медленно, очень медленно пошёл к нам. Мне показалось, что в этот момент ветер перестал дуть, голуби затихли. Город затаил дыхание. Я слышала только звук его шагов. Ровные, спокойные, как будто он шёл по своему кабинету, а не по асфальту среди голых деревьев. Этот звук не вписывался в парк. Он был из другой жизни.

— Мам, — сказал Костя, глядя на приближающегося мужчину, — это кто?

Я не ответила. Потому что не знала как.

Дима подошёл ближе. Остановился в двух шагах от скамейки. Теперь он смотрел на Костю — на его тёмные глаза, на то, как он серьёзно сдвинул брови. Потом перевёл взгляд на Киру. Потом снова на меня.

— Вера? — сказал он.

Голос был хриплым, неуверенным. Как будто он сам не верил, что это я.

Я встала со скамейки. Задвинула детей за спину. Одной рукой я вцепилась в Кирину куртку, другой обняла Костю за плечи. Как будто хотела защитить их от одного его взгляда.

— Что ты здесь делаешь?

Дима не ответил. Он снова смотрел на детей. На Костю. На Киру, которая стояла рядом со мной, прижавшись к моей

руке.

— Это... — он запнулся. — Это твои дети?

Я смотрела ему прямо в глаза. В те самые глаза, которые когда-то обещали мне: «Это фиктивно, Вера, всего на год». Которые отводили в сторону, когда он говорил: «Я сделал выбор». Которые я видела каждую ночь, просыпаясь в холодном поту, все эти четыре года.

— Мои, — сказала я.

Глава 10

Он не поверил. Я видела это по его лицу. Как он переводил взгляд с меня на Костю, с Кости на Киру, и обратно. Мозг хирурга, привыкший собирать разрозненные симптомы в единый диагноз, сейчас делал то же самое с нашими лицами. Мои глаза у Киры. Его глаза у Кости. Мой подбородок. Его разлёт бровей. Он складывал пазл, которого не ожидал увидеть, и картинка не сходилась с той реальностью, в которой он жил последние годы.

— Что ты здесь делаешь? — спросила я.

Дима не ответил. Он не отрываясь смотрел на детей.

— Я просто… ехал, — сказал он наконец. — Переговоры у меня тут недалеко. И увидел тебя. Не ожидал.

Вот оно. Просто случайность. Дурацкая, невозможная случайность, которая перевернёт всё.

— По делу? — переспросила я. — В парке на окраине города?

Он промолчал. И я вдруг подумала: а может, он искал Карину? Может, они живут где-то рядом? Сейчас она выйдет из-за поворота, с ребёнком на руках, и скажет: «Дима, познакомь меня со своей бывшей». Меня замутило от этой мысли.

— Ладно, — сказала я. — Неважно. Мы уходим.

— Вера, подожди.

Он сделал шаг вперёд.

— Сколько им? — спросил он.

Голос стал ещё более хриплым. Как будто кто-то сдавил ему горло.

— Три года.

— Три года, — повторил он. Не вопрос. Утверждение. Он уже всё посчитал. Четыре года назад мы развелись. Четыре года назад он ушёл к Карине. Четыре года назад я исчезла. — Ты была беременна, когда я ушёл?

Я не ответила.

— Вера...

— Что?

Он открыл рот и снова закрыл. Я никогда не видела его таким. Дмитрий Орлов, лучший хирург города, человек, который всегда знал, что сказать, сейчас стоял передо мной и не мог связать двух слов.

— Это мои дети? — спросил он наконец. — Вера, ответь мне. Это мои дети?

Вот он. Вопрос, которого я ждала и боялась. Я могла бы сказать «да». Могла бы сказать «нет». Могла бы сказать правду, какой бы горькой она ни была. Но в эту секунду я посмотрела на него — на человека, который сказал мне: «Я сделал выбор», и поняла, что не хочу давать ему ответ. Не сейчас. Не так. Он не заслужил простого «да» или «нет». Он заслужил, чтобы его вопрос повис в воздухе. Как висел мой вопрос все эти годы: «Почему ты мне изменил? Почему выбрал не меня?»

— Какая тебе разница? — сказала я.

Он моргнул.

— Что?

— Какая тебе разница, Дима? Ты отказался от меня. Ты сказал, что я не могу дать тебе детей. Ты выбрал другую женщину. Ты женился на ней. Ты построил новую жизнь. А теперь ты спрашиваешь — твои это дети или нет? Тебе не кажется, что этот вопрос запоздал на несколько лет?

Дима опустил глаза.

— Я не знал...

— Ты не знал ничего. Ты поверил Рожину. Ты поверил Карине. Ты поверил всем, кроме меня. А теперь ты хочешь, чтобы я просто ответила на твой вопрос, как будто ничего не было? Как будто ты имеешь право спрашивать?

Он стоял, опустив руки. Высокий, красивый, дорого одетый и совершенно разбитый. Я чувствовала странную смесь жалости и злости. Жалость — потому что он правда не знал. Злость — потому что он должен был знать. Должен был проверить. Должен был поверить мне, а не бумажке.

Кира дёрнула меня за рукав.

— Мам, пойдём домой, а? Я замёрзла. И Костя кашляет.

Я и сама продрогла. Воздух обжигал горло, пальцы в перчатках онемели. Щёки у Киры покраснели, она дышала часто-часто, пар изо рта вырывался облачками.

Перевела взгляд на Костю. Он действительно тихо кашлянул, прижав кулак ко рту. Я присела перед ним на корточки,

приложила ладонь к его лбу. Кожа была сухой и прохладной. Не температура. Просто кашель.

— Горло не болит? — спросила я.

Он покачал головой.

— Дышишь нормально?

Кивнул.

Я с облегчением выдохнула. Не смертельно. Просто Костя. Он прижался к моему боку и смотрел на Диму. Без страха, но с любопытством.

— Мы идём домой, — сказала я.

— Вера, подожди. — Дима сделал шаг вперёд. — Ты не ответила.

— А я и не обязана тебе отвечать.

— Это мои дети?

— Это МОИ дети. А чьи они ещё — тебя не касается.

Он покачал головой. Не отрицая, скорее, пытаясь уложить в голове то, что я сказала.

— Ты не можешь просто так уйти, — сказал он. — Я должен знать.

— Должен? — я усмехнулась. — Кто тебе что должен? Я? Они? Или ты должен своему чувству вины, которое внезапно проснулось? Ты ничего не должен, Дима. Ни мне, ни им. Ты сделал свой выбор. Живи с ним.

Я развернулась и пошла по аллее прочь от него. Кира семенила рядом, держась за мою руку. Костя шагал с другой стороны, и я чувствовала, как его маленькая ладошка сжи-

мает мои пальцы.

— Вера!

Он догнал нас. Встал передо мной.

— Я не отступлюсь, — сказал он. — Ты можешь злиться, и ты имеешь на это право. Но я узнаю правду. Так или иначе. Это не конец.

— Как скажешь.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Я обошла его и пошла дальше. На этот раз он не догонял. Он стоял на аллее, и я чувствовала спиной, что он смотрит нам вслед.

Кира молчала всю дорогу до дома. Это было на неё не похоже. Обычно после прогулки она без умолку рассказывала про то, что видела, и про то, что придумала. А сейчас — тишина. Я чувствовала, как она переваривает то, что случилось. Ей три года, но она умная. Слишком умная для своего возраста.

Только у самого подъезда она сказала:

— Мам, а этот дядя — он кто? Почему он про нас спрашивал?

— Это сложно, Кир. Я тебе потом объясню.

— Когда потом?

— Когда я сама пойму.

Она нахмурилась. Ответ ей не понравился, но она приняла его. Взрослая. Слишком взрослая.

Вечером, уложив детей, я сидела на кухне и смотрела в одну точку. Он сказал — узнает правду. Так или иначе. Я знала этот голос. Дима не бросал слов на ветер. Если он решил, что докопается до истины, он будет копать. И рано или поздно докопается.

Вопрос только в том, что будет, когда он узнает.

Я достала из ящика коробку. Открыла. Сверху лежала фотография, та самая, которую Костя видел ночью. Мы с Димой на свадьбе. Я в белом платье, он в дурацком галстуке, который я сама ему выбирала. Мы счастливы. Мы верим, что впереди целая жизнь. Мы не знаем, что он предложит фиктивный развод. Что уйдёт к медсестре. Что будет стоять в парке и спрашивать, его ли это дети.

Я перевернула фотографию лицом вниз и закрыла коробку.

За окном зажглись фонари. Жёлтый свет упал на стену, на старые обои, на детские рисунки, прилепленные к холодильнику. Кривые солнышки, синие домики, оранжевые цветы. Дети рисовали их прошлым летом, когда мы ещё жили на прошлой квартире.

Я смотрела на эти рисунки и думала: они у меня есть. И это главное. Всё остальное — приложится.

За стеной скрипнула раскладушка. Костя ворочался во сне. Кира что-то бормотала. Я сидела в темноте и думала о том, что Дима может прийти к нам. Он не отступится.

А я ещё не решила, что ему сказать.

Глава 11 от лица Димы

Дима

Я не должен был там оказаться.

Роберт позвонил в пятницу и сказал, что есть не телефонный разговор. Что-то по клинике, какие-то документы, которые лучше обсудить лично. Я согласился. Мы договорились на воскресенье, на два часа, в кафе, которое находилось в парке на другом конце города.

В этом районе я никогда не был. Хрущёвки, ларьки, старые остановки с разбитыми стёклами. Я смотрел на дорогу и думал о том, что дома меня ждёт очередной ужин при свечах. Карина любила красивые ужины. Красивую посуду, красивые салфетки, красивое вино в красивых бокалах. Раньше меня это трогало. Теперь — утомляло.

Я свернул к парку. Решил запарковать машину у главного входа и до кафе пройтись. День был хорош для прогулки. Пошёл по аллее, засунув руки в карманы, и искал глазами, где же это кафе.

Воздух был колючий, сухой. Я вдохнул и на секунду вспомнил, как пахла зима в моём детстве. Парк был почти пустым. Голые деревья, мокрый асфальт, несколько мамаш с колясками вдалеке. Я шёл и думал о Карине. О том, что наш брак стал просто взаимной вежливостью. О том, что детей у нас так и нет.

Сначала была беременность, та самая, из-за которой я ушёл от Веры. Карина сказала, что носит моего ребенка. А через месяц после свадьбы — выкидыш. Она плакала, я держал её за руку, обращались к лучшим врачам. Мне было жаль её. Мне было жаль ребенка. Я говорил себе — ничего, мы попробуем снова.

Но «снова» не случилось. Видимо, на мне какой-то рок или проклятье за то, что я так поступил с Верой. Не надо было клясться детьми.

Через полгода после выкидыша, когда я завёл разговор о детях, Карина сказала: «Я не хочу. Я не готова. Та боль, когда я потеряла ребёнка… я не переживу её второй раз». Я пытался спорить. Она плакала. Я отступал. Через год попробовал снова и снова получил тот же ответ. «Я боюсь, Дима. Пожалуйста, не дави на меня». Я перестал давить. Я смирился.

Мы спали в одной постели, завтракали за одним столом, ходили на приёмы и конференции. Мы были идеальной парой — на фотографиях. А внутри была пустота, которую я старался не замечать.

Я думал об этом и вдруг увидел её.

Женщина на скамейке. Старый пуховик, волосы собраны в небрежный пучок. Рядом — мальчик, прижавшийся к её боку. А по аллее бегала девочка в шапке с помпоном и гоняла голубей.

Я замер.

Вера.

Я узнал её не сразу. А когда узнал, не поверил. Она сидела метрах в двадцати от меня, живая, настоящая, и смотрела на меня не отрываясь. Я сделал шаг. Ещё один. Девочка что-то ей крикнула, и Вера улыбнулась. Она улыбнулась, и я вспомнил эту улыбку. Я помнил её все эти годы.

— Вера?

Она подняла голову. Улыбка исчезла. Она встала быстро, резко.

— Что ты здесь делаешь?

Хороший вопрос. Видимо, это было провидение, судьба. Из всех кафе Москвы Роберту надо было выбрать именно это.

Я смотрел на мальчика. У него были тёмные глаза. Мои глаза. И брови он сдвигал похоже, точно так же делал я, когда о чём-то думаю. Он сидел, прижавшись к матери, и смотрел на меня удивлённо.

Девочка подбежала и вцепилась в Верину куртку. Рыжие волосы, ямочка на левой щеке. Верина ямочка. Верин подбородок.

— Это твои дети? — спросил я.

— Мои.

Она сказала это так, что продолжать было бессмысленно. Но я не мог остановиться. Я спросил, сколько им. Она ответила — три года. Три года.

Дальше всё было как в тумане. Я задавал вопросы. Она отвечала коротко, резко, будто отрезала. Ей этот разговор

был неприятен, я вообще был ей неприятен. Да и это понятно, после всего, что я сделал, ожидать другой реакции было бы странно.

Я не находил слов. Потому что она была во всём права.

Мальчик спросил: «Мам, этот дядя кто?» Девочка представилась сама: «Меня зовут Кира, а это Костя, мы близнецы». Кира и Костя. У неё близнецы.

— Я не отступлюсь, — сказал я. — Я узнаю правду.

Она развернулась и ушла. Дети пошли рядом. Мальчик слева, девочка справа. Я смотрел им вслед, пока они не скрылись за поворотом. Вера не обернулась ни разу.

Я сел на скамейку. Долго сидел, глядя на пустую аллею. Я думал о ней. Вспомнил, как она сказала: «Если ты меня обманул, я никогда тебя не прощу». Я поклялся тогда, что не обманываю. А оказалось, что я солгал.

Я не перепроверил диагноз. Потому что мне было удобно. Она стала проблемой, которую я не хотел решать. Я сделал выбор, как делал всегда — быстро, холодно, без оглядки. Только сейчас, глядя на её детей, я понял, что оглядываться всё-таки надо. Что за моим выбором остались годы её жизни. И три года их жизни.

Я хотел, чтобы она обернулась. Чтобы увидела, что я смотрю. Но она не обернулась. И правильно сделала.

Потом достал телефон и набрал Роберта.

Он ответил после третьего гудка, виновато и сбивчиво.

— Роберт, я в парке. Где находится это чёртово кафе?

— Дмитрий Андреевич, простите ради Бога, что не позвонил. Я весь на нервах. Жене внезапно стало плохо, её на скорой увозят в больницу, давление. Давайте на завтра перенесём? Я всё подготовлю. Очень не хорошо получилось.

— Не переживай, здоровье жены превыше всего. Роберт, тебе будет новое задание. Найди мне Веру Андреевну Захарову. Мою бывшую жену. Всё, что можно: адрес, работа, с кем живёт. И главное — у неё есть дети. Мальчик и девочка, близнецы, около трёх лет. Я хочу знать, кто их отец.

В трубке повисла пауза.

— Понял. Сделаю за день.

Я положил трубку и поехал домой.

Карина встретила меня в прихожей — шёлковый халат, идеальная укладка, улыбка. На столе — свечи, стейк из лосося, вино. Она поцеловала меня в щеку и сказала: «Ну наконец-то! Я уже начала волноваться».

Я прошёл в гостиную и сел в кресло. Она села напротив, взяла бокал, посмотрела на меня внимательно.

— Что случилось? Ты какой-то странный.

— Я видел Веру.

— Веру? Бывшую жену?

Карина побледнела так, что веснушки, которых у неё было немного, и которые она всегда замазывала, стали видны. Резко, как будто кто-то нарисовал их маркером. Она поставила бокал на стол, и красное вино плеснуло на скатерть.

— Она гуляла в парке с детьми. С близнецами. Им три

года.

— Ты думаешь, это твои дети? — спросила она. — Дима, скажи мне, что ты не думаешь, что это твои дети.

Я молчал.

— Скажи! — Её голос сорвался на крик. — Ты видел их один раз!

— Ты знала, что у Веры есть дети? — спросил я.

Она быстро отвела глаза.

— Откуда мне знать, Дима? Я не слежу за ней.

Она замолчала. Но мне показалось, что она что-то скрывает.

Я смотрел на неё и думал: четыре года мы женаты. Четыре года я сплю с этой женщиной, завтракаю с ней, хожу на конференции. Все эти годы я убеждаю себя, что у нас семья. А семьи нет. Детей нет. И, кажется, никогда не было.

— Может, они не твои. Может, она… — Карина уже говорила более спокойно.

— Может, — перебил я. — Но я хочу знать наверняка.

— Зачем? У нас своя жизнь, Дима. Зачем тебе прошлое?

Я встал.

— Потому что если это мои дети, я имею право знать. Я и так пропустил три года их жизни. Я не хочу пропустить остальное.

Я поднялся в кабинет, сел за стол и открыл нижний ящик. Там лежала папка с документами о разводе. Медицинское заключение Рожина: «Бесплодие. Шанс зачатия — менее 1%».

Я перечитал его и подумал: если Вера родила двойню, то какой же это «меньше процента»? Что-то не сходилось. Что-то было не так.

Внизу Карина гремела посудой. Я слышал её шаги, но не спускался. Я думал о близнецах, которых никогда не видел. О мальчике с моими глазами. О весёлой рыжей девочке. И о том, что скоро Роберт принесёт мне ответы.

Я закрыл папку и убрал её в ящик. И вдруг понял: я боюсь не того, что они не мои. Я боюсь, что они мои. Потому что если они мои, я разрушил их жизнь, ещё до того, как они родились. Я оставил их мать одну, когда она была беременна. Я не дал ей даже шанса сказать мне правду.

Откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Я не хотел знать правду. Я хотел, чтобы всё было просто. А теперь правда стояла передо мной в виде двух детей на пустой аллее. И я знал: я заслужил её.

Глава 12 от лица Димы

Роберт позвонил на следующий день в восемь утра.

Я как раз собирался в клинику. Стоял в прихожей, завязывал галстук, смотрел в зеркало и не узнавал себя. Ночь я провёл в кабинете. Не спал, просто сидел, перечитывал старые документы и пытался понять, в какой момент моя жизнь свернула не туда.

— Дмитрий Андреевич, — голос Роберта звучал напряжённо. — Я нашёл кое-что. Встретимся у вас в кабинете.

— Говори сейчас, — сказал я Роберту.

— Не по телефону. Давайте в клинике. Я буду через час.

Он положил трубку раньше, чем я успел возразить. Я посмотрел на телефон, потом на своё отражение в зеркале. Что-то в голосе Роберта мне не понравилось. Он не был взволнован, он был насторожен.

Карина ещё спала. Я заглянул в спальню. Она лежала, свернувшись калачиком, на своей половине кровати, и даже во сне её лицо было напряжённым. После вчерашнего разговора она не поднималась в кабинет. Я слышал, как она ходила по гостиной, потом поднялась, закрыла дверь в спальне. Мы не сказали больше за вечер ни слова друг другу.

Я вышел из дома, не попрощавшись. Не стал её будить.

В клинике было тихо. Понедельник, утро, первый поток пациентов ещё не начался. Администратор за стойкой кив-

нула мне, я кивнул в ответ и прошёл в свой кабинет. Роберт ждал меня уже там. Он сидел на стуле для посетителей, положив на колени тонкую папку. Выглядел встревоженным.

— Докладывай, — сказал я, садясь за стол.

Роберт открыл папку.

— Я подключил старого знакомого из ЗАГСа, — сказал он. — Без этого я бы копал неделю. Так что информация — точная. Захарова Вера Андреевна, тридцать лет. Проживает в районе Восточный, по адресу… — он назвал адрес, на окраине, в районе, в котором я вчера побывал впервые. — Снимает квартиру с августа позапрошлого года. До этого сменила три адреса за два года, все в том же районе. Работала администратором в детском центре «Солнышко». Уволена в прошлую пятницу.

— Уволена? Почему?

— Прогулы. Частые больничные. У неё двое маленьких детей, сами понимаете.

Я кивнул. Понимаю. Двое детей — это постоянные болезни, постоянные пропуски, постоянные проблемы с работой. Я помнил, как моя мать брала больничные, когда мы с братом болели.

— Дети, — продолжил Роберт, — мальчик Константин и девочка Кира. Дата рождения… — он сверился с бумагой. — Родились семнадцатого ноября, три года и один месяц назад. Преждевременные роды, тридцать первая неделя. Естественные роды. Оба выжили, оба здоровы, во всяком случае,

по документам.

Тридцать первая неделя. Семимесячные. Я закрыл глаза и на секунду представил себе Веру в больнице, одну, испуганную, рожающую двоих детей на два месяца раньше срока. Она всегда была хрупкой. Я помню, как она боялась боли, даже уколов боялась, даже вида крови. А тут — преждевременные роды. Двойня. И никого рядом.

— Кто отец? — спросил я, хотя уже знал ответ.

— В свидетельстве о рождении в графе «отец» стоит прочерк.

Я выдохнул. Прочерк. Она не записала никого. Ни меня, ни другого мужчину. Просто прочерк. Мать-одиночка.

— А были другие мужчины в тот период? — спросил я. — Кто-то, с кем она могла быть после развода?

Роберт покачал головой.

— Я проверил. Она жила одна. Рожала одна. Растит одна.

— Что-нибудь ещё?

— Да, — Роберт замялся. — Я звонил в больницу, где она рожала. Обычная районная больница, не наша. Врач, которая вела роды, ещё работает там. Если хотите, могу организовать встречу.

— Пока не надо, — сказал я. — Что-нибудь ещё?

Роберт покачал головой. Я отпустил его и остался один. Адрес Веры лежал передо мной на столе — улица, дом, квартира. Я мог поехать туда прямо сейчас. Мог позвонить в дверь. Мог снова увидеть детей.

Но что бы я сказал? «Привет, я ваш отец»? Мальчику, который не знает моего лица? Девочке, которая спросила: «А вас как зовут?» и удовлетворилась ответом «дядя Дима»? Я не был готов. И они не были готовы.

Я убрал папку в ящик стола и поехал домой.

Вечером я сидел в кабинете и думал. Я знал, что могу поехать туда прямо сейчас. Могу позвонить в дверь. Могу снова увидеть детей. Но я не двигался с места.

Карина вошла без стука. На ней было белое бельё, почти прозрачное. Она поставила передо мной бокал с виски, обошла кресло и положила руки мне на плечи.

— Ты слишком много работаешь, — прошептала она. — Давай я помогу тебе расслабиться.

Её пальцы скользнули по моей шее, опустились на грудь. Она расстегнула пуговицу рубашки, другую.

Я перехватил её руку.

— Карина.

Она остановилась. Смотрела на меня с вызовом.

— Я не хочу, — сказал я. — Ты пытаешься меня отвлечь.

— Нет. Я пытаюсь тебя вернуть.

— Я никуда не уходил. Но я должен знать правду. Ты понимаешь?

Она отступила на шаг. Её лицо изменилось. Сексуальная уверенность сменилась обидой. Она запахнула халат, который всё это время был наброшен на плечи, и посмотрела на меня с ледяной злостью.

— Тогда не удивляйся, что она тебя тоже не захочет.

Она вышла из кабинета, хлопнув дверью. Я остался один. Думал о том, что Карина права: меня могут не захотеть. В смысле не захотеть меня впустить в свою жизнь.

Если я приду к ней — я разрушу её жизнь или дам ей шанс?

Она построила её без меня. Научилась жить без меня. Растила детей без меня. А я приду — и всё, что она выстроила, может рухнуть. Она будет бояться, что я отберу детей. Бояться, что я разрушу их покой. Бояться, что я снова уйду.

Но если я не приду — я никогда больше не увижу их, не увижу, как они растут. Я никогда не скажу им, что я их отец.

Я не знал, что хуже. Я знал только, что завтра поеду.

Глава 13

После той встречи в парке прошла неделя.

Я выполняла свои ежедневные действия: водила детей в сад, ходила в магазин, продолжала искать работу. Но внутри меня творилось что-то невообразимое. Я готовила еду, стирала колготки, читала детям на ночь сказку про репку в десятый раз и отвечала на Киркины бесконечные вопросы, а сама всё время думала о том, что он сказал.

«Я не отступлюсь. Я узнаю правду».

В том, что он узнает правду, у меня не было сомнений. Он не поверил бы, что я могла закрутить роман на стороне, пока была с ним в браке. Я не он. Я бы никогда не смогла предать так, как предал он. Это ему было легко — переспать с медсестрой, а потом прикрыться моим бесплодием.

Вопрос только в том, что будет, когда Дима узнает, что это его дети.

В понедельник я собирала детей в сад, когда в дверь позвонили. Я замерла с Киркиной шапкой в руке. В глазок было видно женщину — невысокую, в сером пальто, с папкой в руке.

— Кто там? — спросила я, не открывая.

— Инспектор опеки, Сорокина Ирина Викторовна. Откройте, пожалуйста.

У меня внутри всё оборвалось. Опека. Господи, опека. Я

открыла дверь, забыв от страха даже, как меня зовут.

Женщина оказалась немолодой, с уставшим лицом и аккуратной стрижкой. Она вошла в прихожую, огляделась — облупившиеся обои, лампа без абажура, детские ботинки сушатся на батарее, — и что-то записала в блокноте.

— Вера Андреевна Захарова?

— Да. А в чём дело?

— К нам поступил сигнал. Что вы находитесь в трудной жизненной ситуации. Что дети живут в ненадлежащих условиях. Я должна провести осмотр.

— Какой сигнал? От кого?

— Анонимный. К сожалению, не могу назвать источник.

Я стояла в прихожей, прижимая к себе Киркину шапку, и пыталась понять, что происходит. Анонимный сигнал. Ненадлежащие условия. Кто мог это сделать? Кто вообще знал, где я живу и в каких условиях?

— Проходите, — сказала я, отступая.

Она прошла в квартиру. Медленно, методично, заглядывая в каждый угол. Открыла холодильник — суп, кефир, баночка сметаны. Записала что-то. Осмотрела детскую — две раскладушки, комод с оторванной ручкой, рисунок на стене, закрывавший оторванные обои. Записала. Проверила батареи, пощупала стены на предмет сырости. Записала.

Кира выглянула из-за моей ноги.

— Мам, а это кто?

— Это тётя из… — я запнулась. — Тётя из взрослых. По-

жалуйста, не мешайся.

Инспектор присела перед Кирой и улыбнулась.

— Как тебя зовут?

— Кира. А это Костя, — она махнула рукой в сторону брата, который стоял у двери и молча смотрел на незнакомую тётю. — Мы близнецы. А вы кто?

— Я Ирина Викторовна. Я проверяю, хорошо ли вам живётся.

— Нормально живётся, — сказала Кира. — Только у мамы денег нет. А так нормально.

Я закрыла глаза. Господи, Кира.

Инспектор выпрямилась и посмотрела на меня.

— Вера Андреевна, давайте поговорим.

Мы сели на кухне. Я предложила ей чай, она отказалась. Я не настаивала.

— Ситуация у вас действительно сложная, — сказала она. — Я вижу, что дети ухоженные, чистые, накормленные — насколько это возможно. Но условия… — она обвела взглядом кухню. — Плесень в углах, сырость. Вы работаете?

— Уволили не очень давно.

— То есть сейчас вы без дохода.

— Да.

— Отец детей помогает?

Я молчала. Инспектор вздохнула и сделала ещё одну запись.

— Вера Андреевна, — сказала она, глядя на меня поверх

очков. — У вас есть тридцать дней на то, чтобы предоставить подтверждение дохода и устранить нарушения. Если этого не произойдёт, я буду вынуждена передать материалы в комиссию. Это не означает немедленного изъятия, но это означает, что ваша семья попадёт под контроль.

Я слышала, как бьётся моё сердце.

— Я найду работу, — сказала я. — Я найду.

— Это ваше право. Я выписываю предписание. Здесь всё указано. Срок — тридцать дней. Будут вопросы — звоните по телефону в шапке.

Она протянула бумагу. Я взяла её.

— Спасибо, — зачем-то сказала я.

— Не за что. Это моя работа.

Она ушла. Я стояла в прихожей с бумагой в руке и не могла пошевелиться. Мне отведён месяц. У меня нет работы, нет денег, нет родственников, нет мужа — только двое детей, которых могут забрать.

Кира выглянула из комнаты.

— Мам, а тётя уже ушла?

— Ушла.

— Она хорошая. Она сказала, что мы ухоженные. Это значит красивые?

— Это значит чистые, — я провела рукой по её волосам. — Иди собирайся. В сад опоздаем.

Она убежала в комнату. Костя молча, деловито поправил ей воротник. Я чувствовала, как страх сжимает горло.

Они смеялись. Спорили. Мои дети. Если я не найду выход, их у меня заберут. Я не могла даже представить, как проснуться в пустой квартире, где не слышно их голосов.

Прислонилась спиной к стене и закрыла глаза. Кто мог подать этот сигнал? Кто вообще знал обо мне? Хозяйка квартиры? Соседи? Нет, им было всё равно. Может быть, кто-то из бывших коллег? Но я ни с кем не общалась.

И тут меня осенило. Дима. Он узнал адрес — у него есть связи, деньги, возможности. Он мог попросить кого-то проверить мои условия. А потом — подать сигнал, чтобы надавить на меня. Чтобы я пришла к нему и попросила о помощи.

Я не знала, так ли это. Но это было единственное объяснение, которое приходило в голову.

Глава 14

Весь день я ходила как в тумане. Отвела детей в сад, вернулась домой, села на кухню и стала думать. Выходов было немного.

Попросить в долг. У кого? У соседей, с которыми я не разговаривала? У бывших коллег, которые видели меня последний раз в день моего увольнения?

Пойти на биржу. Я встала на учёт в тот же день — через интернет, чтобы не тратить время. Но первая выплата будет только через месяц.

К вечеру я забрала детей из сада, накормила ужином, уложила спать и села на кухне. Телефон лежал передо мной. Я смотрела на него и думала.

Я могла позвонить ему. Сказать: «Дима, мне нужна помощь». Я могла попросить его подтвердить отцовство и платить алименты — хотя бы копейки, хотя бы на бумаге, чтобы у меня была справка для опеки.

Но это значило бы впустить его в нашу жизнь. Признать, что я не справляюсь. Отдать ему часть того, что я так тщательно прятала все эти годы.

Я хотела нажать «вызов» — и хотела швырнуть телефон в стену. Я хотела, чтобы он помог — и хотела, чтобы он исчез из моей жизни навсегда. Я хотела, чтобы мои дети знали отца — и боялась, что он отнимет их у меня.

А потом Костя закашлял. Надрывно, тяжело, так, что я услышала из кухни. Я бросилась в детскую. Он сидел на раскладушке, красный, испуганный, и не мог вдохнуть.

Схватила его на руки, прижала к себе, начала гладить по спине.

— Дыши, мой хороший. Мама здесь.

Кашель не проходил. Он бил его снова и снова, сухими толчками, вырываясь из груди. Я держала его, чувствуя, как дрожит его маленькое тело.

Когда он стих, я уложила его, поправила одеяло. Но дыхание осталось тяжёлым, хриплым. Я сидела рядом, гладила его по волосам и думала: если он заболеет, я не смогу его вылечить. У меня нет денег на лекарства.

И в этот момент я приняла решение.

Вышла на кухню и взяла телефон.

Я набирала номер. Помнила его наизусть, только бы он не сменил. В груди колотилось сердце.

Перестала дышать.

Гудок. Второй. Третий.

— Вера? — голос Димы был удивлённым и напряжённым. — Что случилось?

— Мне нужна помощь, — сказала я.

— Что нужно? — он ответил молниеносно.

— Документы. Подтверждение, что у детей есть отец. Для опеки. Мне дали месяц, иначе их заберут.

— Кто дал? Какая опека?

— Неважно. Ты можешь помочь или нет?

Пауза.

— Вера... я должен спросить. Это мои дети?

Я закрыла глаза.

— Да, Дима. Они твои.

Он ответил сразу, не раздумывая:

— Я приеду завтра утром. Назови адрес.

Я назвала. Он повторил, я слышала, как он записывает.

— Вера, — сказал он, прежде чем я повесила трубку. — Я знаю, что ты мне не веришь. Но мне жаль, что я не знал о них. Я бы хотел быть рядом.

Я ничего не ответила. Просто нажала «отбой» и села на стул. Думала о том, что только что сделала то, чего клялась никогда не делать.

Я попросила его о помощи.

Утром Дима приехал. Ровно в восемь, как обещал. Я открыла дверь, он стоял на пороге с папкой в руке. Увидел меня и на секунду отвёл глаза.

— Проходи, — сказала я.

Он вошёл в прихожую, огляделся. Я видела, как он смотрит на облупившиеся обои, на местами вздутый линолеум, на рисунок, закрывающий пятно. Его лицо медленно менялось.

— Ты живёшь здесь? — спросил он.

— Уже полтора года.

— Вера...

— Не надо, — перебила я. — Я не затем тебя позвала. Ты привёз документы?

Он протянул мне папку. Я открыла. Внутри лежало заявление об установлении отцовства. Уже заполненное, с его подписью, заверенное нотариусом. Дата на документе была от прошлой недели.

Я подняла глаза.

— Ты сделал заявление заранее?

— Я понял, что это мои дети, ещё в парке. И чтобы ты ни говорила, я бы не поверил тебе. Я бы пошёл в суд и установил отцовство через ДНК. Ты знаешь, я всегда хотел детей. И когда я увидел их, я понял, что они мои. Я хотел быть готовым, прежде чем прийти к тебе с просьбой. Я рад, что ты позвонила сама.

Он предусмотрел всё.

— Здесь не хватает только твоей подписи, — сказал он. — Как матери.

Я кивнула, взяла ручку и подписала. Он смотрел на меня, пока я это делала. Я чувствовала его взгляд и не поднимала глаз.

— Теперь уходи, — сказала я.

— Вера...

— Уходи, Дима. Ты помог. Спасибо. Теперь уходи.

Он постоял ещё секунду, потом развернулся и вышел. Я закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. В руке у меня была папка с документами, которые мне надо было отнести

в ЗАГС. В графе «отец» теперь будет стоять его имя. Дмитрий Андреевич Орлов. Мои дети перестали быть «детьми с прочерком». Мои дети получили отца. На бумаге.

Села на пол и заплакала. Впервые за долгое время. Просто сидела и плакала, уткнувшись лицом в колени. А когда подняла глаза, увидела Костю. Он стоял в дверях детской, в своей пижаме, и смотрела на меня.

— Мам, ты чего плачешь?

— Ничего, мой хороший, — я вытерла слёзы. — Это я так. Устала немного.

Он подошёл, забрался ко мне на колени и прижался всем телом. Маленький. Тёплый. Мой.

— Тот дядя опять приходил? — спросил он тихо.

— Приходил.

— Он плохой? Он обидел тебя?

Я погладила его по голове.

— Нет, Кость. Он не плохой. Он просто... запутался. Очень сильно запутался.

Костя помолчал, переваривая. Потом сказал:

— Если он запутался, ему надо помочь. Ты всегда помогаешь нам, когда мы с чем-то не справляемся.

Я прижала его крепче. Мой маленький мудрый мальчик. Мой сын.

— Может быть, — сказала я. — Может быть, надо.

Костя ушёл в комнату. Я осталась одна.

Я только что впустила Диму в нашу жизнь. Он будет при-

ходить. Он будет звонить. Он будет спрашивать, как они, что ели, что снилось. А потом он захочет забирать их. На выходные. На праздники. На целое лето.

И я не смогу сказать «нет», потому что он — их отец. И у меня нет права отнимать у них отца.

Я хотела, чтобы он помог. Но я не хотела его видеть. Теперь это было невозможно.

Глава 15 от лица Димы

Я вышел от Веры в половине девятого утра. Сел в машину, закрыл дверь и минуту просто сидел, глядя на облупившийся подъезд, на покосившуюся скамейку у входа, на лужу, которая, кажется, не высыхала здесь никогда.

Она сказала «да».

Я закрыл глаза и снова услышал её голос. «Да». Одно слово. Короткое, сухое, без эмоций, но это было «да». Дети мои. Костя и Кира — мои. Я отец. У меня есть сын и дочь, а я узнал об этом недавно, в парке. Но по-настоящему она признала это только сейчас.

Сидел и прокручивал в голове всё, что увидел. Квартира, которая не видела ремонта уже лет пятьдесят, плесень, сырость. Мои дети жили в этом. Мои дети. Пока я жил в особняке с бассейном и тратил деньги на рестораны, моя бывшая жена считала копейки, чтобы их прокормить.

Я ударил ладонями по рулю — раз, другой, третий. Больно. Хорошо. Пусть будет больно.

А потом я завёл двигатель и поехал. Не на работу. Сначала в банк.

В банке я снял со своего личного счёта двести тысяч. Не с семейного, до которого у Карины был доступ, а с личного, о котором она не знала. Я открыл его, когда мы только поженились, и откладывал туда бонусы, которые не проходили по

основной ведомости. Сам не знал зачем. Наверное, на всякий случай.

Я положил деньги в конверт и вечером после работы поехал обратно к Вере.

Она открыла не сразу. Посмотрела в глазок, помедлила, потом щёлкнул замок.

— Ты что-то забыл? — спросила она. Голос был усталым, но уже не таким враждебным, как утром. Как будто она потратила на меня весь запас злости и теперь просто ждала, что я уйду.

— Да. Забыл.

Я протянул ей конверт. Она взяла, открыла, заглянула внутрь. И замерла. Я видел, как напряглись её пальцы, сжимающие бумагу. Она хотела что-то сказать, но вместо слов выдохнула, коротко и резко, будто кто-то ударил её под дых.

— Что это?

— Деньги. Здесь двести тысяч. На первое время.

Она захлопнула конверт и попыталась отдать его обратно.

— Я не просила денег. Мне от тебя нужны были только документы.

— Знаю. Но детям нужна еда. А тебе — время, чтобы найти работу.

Вера перевела взгляд на дверь детской, откуда доносился голос Кости. Я видел, как дрогнули её плечи. Она взяла конверт, отвела от меня взгляд.

— Я верну, — сказала она. — Когда встану на ноги.

— Не надо. Это деньги на детей. Моих детей.

Она хотела что-то сказать, но из комнаты послышался Киркин голос:

— Мам! Тебя Костя зовёт!

Вера обернулась на голос, потом снова на меня.

— Подожди здесь.

Она ушла в детскую, а я остался в прихожей. Я смотрел на пол. Линолеум был старый, вздутый, с дырами у порога. По нему бегали дети. Мои дети. Босиком. Кира что-то громко рассказывала, я не разбирал слов, но слышал её звонкий голос, и от этого внутри всё сжималось. Моя дочь. У меня есть дочь. И сын.

Вера вернулась.

— Всё нормально, — сказала она. — Просто попить хотел. Кашель у него уже не такой сильный.

— Я могу вызвать врача. Из моей клиники. Хорошего педиатра.

— У нас есть врач. Из районной поликлиники. Она хорошая.

— Районная поликлиника — это не всегда хороший врач.

— Зато бесплатно, — отрезала Вера. И тут же осеклась. Посмотрела на конверт, который всё ещё держала в руке.

— Я понимаю. Но теперь всё будет иначе.

Она покачала головой.

— Ты говоришь так, будто можешь всё исправить за один день. А между нами четыре года, Дима. Четыре года молча-

ния. И твоя измена.

— Я знаю, — сказал я и опустил голову. — Послушай. Я понимаю, что ты мне не доверяешь. И правильно делаешь. Но я не могу уйти отсюда и сделать вид, что ничего не видел, закрыть глаза на то, в каких ужасных условиях вы живёте.

— К чему ты клонишь?

— Переезжайте ко мне.

Вера подняла брови.

— В каком смысле — к тебе?

— У меня загородный дом. Там есть гостевой флигель — отдельный вход, отдельная кухня, две спальни. Вы будете жить там. Не со мной. Отдельно.

Вера скрестила руки на груди.

— Ты предлагаешь мне переехать в дом, где живёт твоя жена?

— Карина живёт в основном доме. Флигель — отдельно. Вы не будете пересекаться, если ты этого не захочешь.

— Нет. — Она покачала головой. — Нет, Дима. Я не поеду жить к тебе.

— Вера, послушай…

— Я тебя слушаю. И говорю: нет. Да, у меня безвыходная ситуация, и я возьму деньги, но я не перееду в твой дом, не стану твоей… — она запнулась, подбирая слово, — …твоей второй семьёй на заднем дворе.

— Я могу снять вам квартиру, — сказал я. — Хорошую, в центре. Но тогда они будут жить там без меня. Я буду при-

езжать раз в неделю. Видеть их по выходным. Как все отцы, которые заплатили алименты и успокоились.

Она молчала.

— Я не хочу так, Вера. Я хочу видеть их каждый день. Хочу знать, что они ели, как спали, о чём думали. Хочу быть отцом — не тем, кто платит алименты, а я хочу быть рядом, видеть, как они растут. Я имею на это право. И я не откажусь от него.

— Ты не можешь просто так войти в их жизнь…

— Могу, — сказал я. — Потому что я их отец. И теперь это официально. Ты сама подписала документы. Если я подам на определение порядка общения с детьми — суд даст мне это право. Но я не хочу через суд. Я хочу, чтобы мы договорились сами.

В её глазах мелькнул страх. Она боялась, что я действительно могу отобрать детей через суд.

— Ты угрожаешь мне судом?

— Нет, — сказал я. — Я говорю, что у меня есть права. И я хочу использовать их мирно. Без судов, без скандалов.

— Я не поеду к тебе, — сказала она.

— Вера, ты сама видишь, что здесь происходит. Плесень, сырость, опека на пороге. Если они придут снова сюда — я не смогу тебя защитить. А если ты будешь жить рядом — я смогу. Я смогу доказать, что дети в безопасности.

— То есть ты хочешь защитить меня от опеки.

— Я хочу защитить их. От холода, от сырости, от бюро-

кратической машины, которая может их у тебя забрать. И я могу это сделать. Но только если ты позволишь.

Она молчала. Я видел, как она борется с собой. Гордость — старая, привычная — требовала отказаться. Но материнство, которое было сильнее гордости, говорило другое. Флигель. Отдельно. Безопасно. Для детей.

— Дай мне подумать, — сказала она наконец.

Глава 16 от лица Димы

Я ушёл от Веры, не зная, согласится ли она. Весь следующий день я провёл на работе, и как удачно подвернулось ночное дежурство. Пока я не знал её ответа, не хотел возвращаться домой и разговаривать с кариной. Может, Вера скажет «нет», и говорить будет не о чем.

А на следующий день я приехал к Вере снова.

Вера открыла дверь. Вид у неё был невыспавшийся, волосы собраны в небрежный пучок. Я понял: она не спала. Она думала. Всю ночь.

— Если я соглашусь, — сказала она наконец, — у меня будут условия.

Она произнесла это и замерла. Как будто сама не верила, что сказала «да».

— Любые.

— Первое: я живу во флигеле с детьми. Ты — в основном доме. Без стука не входишь. Никогда.

— Принято.

— Второе: ты не говоришь детям, что ты их отец. Пока я не решу, что они готовы. Для них ты пока просто… дядя Дима.

— Дядя Дима, — повторил я. — Хорошо. Пусть так. Пока.

— Третье: ты не вмешиваешься в воспитание. Я мать. Я принимаю решение. Ты можешь советовать, но последнее

слово за мной.

— Договорились.

— Четвёртое: я ищу работу и съезжаю, как только смогу себя обеспечивать. Это не навсегда.

— По рукам.

— И пятое, — она запнулась. — Твоя жена. Если она хоть раз косо посмотрит на моих детей, если она хоть раз скажет им хоть одно плохое слово — я ухожу в тот же день. И ты нас не остановишь.

Я кивнул.

— Я поговорю с Кариной. Она не будет к вам лезть. Я обещаю.

Вера смотрела на меня. А потом грустно усмехнулась.

— Знаешь, что самое забавное?

— Что?

— Ты сейчас пообещал мне ровно то же, что четыре года назад. Тогда ты сказал: «Это фиктивный развод, на год, я клянусь». И я поверила. А теперь ты говоришь: «Я обещаю». И я опять тебе верю. Наверное, я дура.

— Ты не дура. Ты мать. Ты мать, которая делает всё ради детей.

Она отвела глаза.

— Ладно. Переезжаем в субботу. У тебя есть несколько дней, чтобы подготовить свой флигель и свою жену.

— Я всё подготовлю.

Я вышел из квартиры, сел в машину и только тогда понял,

что искренне улыбаюсь. Впервые за эту неделю. Впервые за многие годы, если честно.

Она согласилась. Она позволила мне быть рядом. Пока на условиях. Пока во флигеле. Пока «дядя Дима». Но это был шанс. Первый шанс стать отцом.

Теперь оставалось самое сложное — поговорить с Кариной.

Домой я ехал медленно, обдумывая каждое слово. Карина не обрадуется. Карина вообще никогда не радовалась тому, что не вписывалось в её план. А бывшая жена с двумя детьми в гостевом флигеле — это точно не вписывалось в её план.

Я вошёл в дом. Карина была в гостиной, сидела с чашкой кофе и планшетом, просматривала какие-то новости. Увидела меня, отложила планшет и улыбнулась. Улыбка была спокойной, почти безмятежной. Но я слишком хорошо её знал, чтобы не заметить напряжение в уголках губ.

— Куда ты так подорвался вчера утром? — спросила она.

— К Вере.

Улыбка исчезла.

— Зачем?

— У неё проблемы с опекой. Кто-то подал анонимный сигнал. Ей нужно было подтверждение, что у детей есть отец. Я дал.

Карина поставила чашку на стол. Медленно. Осторожно. Как будто чашка была из самого дорогого хрусталя, а не обычной керамической.

— То есть ты признал отцовство?

— Да.

— Не спросив меня?

— А почему я должен тебя спрашивать? Это мои дети.

Она встала. Подошла ко мне. Встала напротив — высокая, стройная, с идеальной осанкой. Глаза холодные, как лёд.

— Ты хоть понимаешь, что ты делаешь? Ты признаёшь детей от другой женщины. Ты впускаешь её обратно в свою жизнь.

— Это не «другая женщина», Карина. Это моя бывшая жена. И мать моих детей. И да, я впускаю её в свою жизнь. Точнее, я уже впустил.

— В каком смысле?

— В прямом. Она с детьми переезжает в гостевой флигель. В субботу.

Пауза. Долгая. Очень долгая. Карина стояла и смотрела на меня, и её лицо менялось — медленно, как будто трескалась маска. Сначала недоверие. Потом ярость. Потом страх. Настоящий, глубинный страх, который она не могла скрыть.

— Ты с ума сошёл, — сказала она наконец. — Ты признаёшь детей от другой женщины. Ты привозишь её в мой дом.

— Это не просто «другая женщина», Карина. Это мать моих детей.

— Твоих детей! — она истерично рассмеялась. — Ты увидел их один раз в парке и уже готов разрушить всё, что мы строили вместе? Ты их даже не знаешь!

— Я хочу узнать. И я узнаю.

— Или ты надеешься, что она тебя простит? — Карина шагнула ближе. — Что ты вернёшься в прошлое, как ни в чём не бывало?

Я молчал.

— Она не простит тебя, Дима. Ты бросил её. Ты изменил и ушёл к другой. Какое прощение?

Её голос был спокойным, почти без эмоций. Но каждое слово вонзалось в меня, как игла.

— Я не прошу прощения, — сказал я наконец. — Я просто хочу наконец стать отцом.

— А ты подумал, как это выглядит? Твоя бывшая будет жить вместе с нами, а я должна делать вид, что всё в порядке?

— Мне всё равно, как это выглядит. Мне важно, чтобы мои дети были в безопасности.

— А я? — она шагнула ко мне. — Моя безопасность? Мои чувства? Я твоя жена, Дима. Я поддерживала тебя всё это время. Я ждала как верный пёс тебя вечерами. Я терпела твои ночные операции, твои переговоры, твои вечные мысли о работе. А теперь ты просто сообщаешь, что в нашем доме будут жить твоя бывшая жена и её дети?

— Да, Карина. Я говорю тебе, как будет. Я не спрашиваю разрешения. Я ставлю перед фактом.

Её глаза потемнели.

— Если она переедет, — сказала она медленно, — я уйду.

— Ты хочешь развода?

— Я хочу, чтобы ты сделал выбор. Она или я.

— Я уже сделал выбор, — сказал я. — Я выбрал детей.

Карина отшатнулась, как от пощёчины. Я видел, как дрогнули её губы. Но она не заплакала. Мне вообще кажется, что я видел слёзы Карины только однажды. Она сжала челюсти, посмотрела на меня испепеляющим взглядом и сказала:

— Хорошо. Если ты так решил, я не могу тебе запретить. Это твой дом. Но рано или поздно ты поймёшь, что сделал не тот выбор.

Карина закрыла глаза, выдохнула.

— Значит так. Она не входит в основной дом, — сказала Карина. — Это моё условие. Если ты хочешь видеть детей — ты идёшь во флигель. Но здесь, — она обвела рукой гостиную, — её ноги не будет.

— Вера сказала то же самое, — ответил я. — Она не хочет пересекаться с тобой.

— Вот и отлично, — Карина холодно улыбнулась. — Значит, мы друг друга поняли.

Она взяла чашку. Я заметил, что её руки дрожат. Она не могла унять эту дрожь. Карина попыталась сделать глоток, но чашка звякнула о блюдце. Она поставила её обратно.

— Значит, поняли.

Она вышла из гостиной, не обернувшись.

Я поднялся в кабинет. Сел за стол и посмотрел на закрытую дверь.

Разговор прошёл лучше, чем я ожидал. Гораздо лучше.

И это меня настораживало. Она согласилась слишком легко. Карина никогда не сдаётся. А значит, она уже начала игру. И я не знал, в чём её правила.

Глава 17

В субботу утром я проснулась в шесть и поняла, что сегодня мы переезжаем.

Нет, не так. Я проснулась в шесть и поняла, что сегодня мы переезжаем в дом к моему бывшему мужу, который обманул меня, изменил, бросил меня с ложным диагнозом бесплодия. У которого теперь новая жена. А мы будем жить во флигеле. Как бедные родственники. Как приживалки. Как...

— Мам!

Я отбросила панические мысли — сегодня будет не до них — и пошла на кухню.

В холодильнике теперь было предостаточно еды. После того как Дима принёс деньги, я первым делом купила их самые любимые продукты: творожные сырки, йогурты, яблоки. Я готовила для них утреннюю кашу, а сама всё думала: это последний завтрак в этой квартире.

Последний раз на этой кухне, где капает кран и пахнет сыростью. Последний раз я стою у этой плиты, где за полтора года переварила столько гречки и макарон, что могла бы накормить целый детский сад.

Я думала, что буду радоваться, уезжая отсюда. А вместо этого чувствовала странную, неожиданную грусть.

— Мам, каша готова? — Кира заглянула на кухню.

— Почти, — сказала я. — Иди зови Костю.

Я сняла кастрюлю с плиты и на секунду задержала руку на ручке. Прощай, кухня. Прощай, жизнь, которую я прожила здесь. Впереди — другая. Абсолютно непредсказуемая.

Кира ела кашу с вареньем и болтала без остановки. Они уже знали, что мы переезжаем. Я сказала им вчера вечером, осторожно, без подробностей. Просто: «Мы поживём в другом месте, там будет тепло и красиво, у вас будет своя комната». Кира восприняла это как приключение. Костя, как всегда, промолчал.

— Мам, а там будет сад? — спрашивала Кира, размазывая кашу по тарелке.

— Будет.

— А качели?

— Не знаю. Может быть.

— А собака?

— Нет, мне кажется, там нет собаки.

— Жалко. А почему мы туда едем?

Я вздохнула и села напротив неё.

— Потому что там вам будет хорошо и весело.

— А чей это дом?

Я замерла. Вот оно. Вопрос, которого я ждала.

— Это дом дяди Димы. Он будет жить в соседнем доме. Но он не будет нам мешать.

— Он хороший? — спросила Кира.

— Почему ты спрашиваешь?

— Он на тебя так смотрит. Как в мультике про Шрека.

Когда Шрек смотрит на Фиону.

Я не нашлась, что ответить. Кира удовлетворённо кивнула, как будто поставила точку в сложном философском споре, и продолжила есть кашу.

Костя за всё утро сказал ровно два слова. Когда я застегивала его куртку, он спросил:

— Мы вернёмся?

— Сюда? Нет, Кость. Мы будем жить в другом месте.

Он кивнул и больше ничего не сказал.

Я обвела взглядом квартиру. Мы прожили здесь полтора года. Костя сделал здесь свой первый шаг, от раскладушки до комода, точнее три шага. Ему было почти два, для недоношенного ребёнка это нормально, врач сказала не волноваться. Кира впервые заявила здесь: «Я сама!», и с тех пор эта фраза стала нашим семейным девизом. Это была дыра. Но это была наша дыра. И теперь мы уезжаем.

Дима приехал ровно в девять. Я услышала шум мотора из окна. Большой чёрный автомобиль остановился у подъезда. Через минуту раздался звонок. Я открыла.

— Я на большой машине, — сказал он вместо приветствия. — Чтобы вещи влезли.

— У нас немного вещей.

Он прошёл в квартиру и огляделся. Он раньше уже видел всё это, но сейчас, кажется, смотрел по-другому. Словно пытался понять, как мы жили здесь все эти годы.

— Это всё? — спросил он, глядя на три сумки и коробку

с книгами.

— Всё. Мы путешествуем налегке.

Он взял две сумки сразу и понёс в машину. Я взяла третью и коробку. Кира прижала к груди своего старого плюшевого зайца, без него она никуда никогда не ходила. Костя взял сестру за руку.

Я закрыла дверь и отдала ключи соседке. Хозяйка просила оставить ей. Всё. Конец. Мы больше сюда не вернёмся.

Мы ехали практически молча. Только Кира рассматривала улицу в окно и комментировала каждую машину. Дети сидели, пристёгнутые в детских креслах, которые Дима купил специально для этой поездки.

— Ты купил кресла, — сказала я.

— Конечно. Дети должны быть в безопасности.

Дом оказался именно таким, каким я его представляла. Большой, двухэтажный, с панорамными окнами и ухоженным газоном. За домом — сад. В глубине сада — флигель. Отдельный домик с крыльцом и маленькой террасой. На крыльце стояли цветы в горшках. Свежие. Как будто только что купленные.

— Это здесь, — сказал Дима, останавливая машину.

Я вышла и огляделась. Флигель был... красивым. Аккуратный, свежевыкрашенный, с деревянными ставнями. Я подозрительно посмотрела на Диму.

— Ты что, ремонт тут делал?

— Просто привёл в порядок.

Я открыла дверь и вошла. Гостиная с камином. Кухня — небольшая, но светлая, с новой плитой и полным холодильником. Две спальни. В детской — две кровати, заправленные свежим бельём, на подушках — по плюшевому медведю.

Всё было красиво. И это было хуже, чем если бы он привёз нас в сарай. Потому что теперь я чувствовала себя обязанной. Он сделал это не для меня или детей. Он сделал это для себя, чтобы чувствовать себя хорошим. А я должна была принимать. Потому что у меня не было выбора. Потому что если бы я отказалась, мои дети остались бы жить в сырости.

Я стояла посреди гостиной, в которой пахло свежим деревом, и чувствовала себя так, будто продала кусок себя.

Кира влетела в комнату и замерла.

— Мам, это наше?

— Ваше, — ответил Дима.

— И кровати? И игрушки?

— И игрушки.

Она схватила медведя и прижала к груди. Костя подошёл к кровати, потрогал покрывало, потом сел на край. Осторожно, как будто проверяя, выдержит ли.

— Мягкая, — сказал он. Это было самое длинное слово, которое я слышала от него за последнюю неделю.

Я повернулась к Диме. Он стоял в дверях детской и смотрел на детей. У него было такое лицо, какого я никогда раньше не видела. Как будто он впервые в жизни сделал что-то по-настоящему важное.

— Спасибо, — сказала я тихо.

— Не за что. Это меньшее, что я мог сделать.

— Ты нам очень помог. Но это не отменяет того, что ты натворил раньше.

Дима пожал плечами.

— Я знаю, — сказал он. — Я и не прошу тебя простить меня. Просто… пусть им будет здесь хорошо.

Я кивнула. Дети возились в своей новой комнате. Кира уже распаковывала зайца и укладывала его рядом с медведем, Костя всё ещё сидел на кровати, привыкая. Солнце светило в окно. В камине — я только сейчас заметила — уже лежали дрова.

— А где твоя жена? — спросила я, понизив голос. — Карина?

— В основном доме. Как я и обещал. Она не будет вас беспокоить.

— Она знает, что мы приехали?

— Знает.

— И как она отреагировала?

Дима помедлил.

— Сдержанно.

Я усмехнулась. Сдержанно. Могу себе представить.

Вечером, когда дети уснули в своих новых кроватях, без капризов, просто легли и закрыли глаза, я вышла на крыльцо. Села на ступеньку и стала смотреть на сад. Темнело. Где-то далеко горели огни. В основном доме тоже горел свет, в

двух окнах на первом этаже. Я смотрела на эти окна и думала о том, что там, за стеклом, живёт женщина, которая увела моего мужа. Которая, возможно, знала о ложном диагнозе. Которая сейчас, наверное, смотрит на флигель и думает, как от нас избавиться.

Шаги. Я вздрогнула.

Из-за угла флигеля вышла женщина. Высокая, темноволосая, в дорогом пальто, накинутом поверх домашнего платья. Она остановилась в нескольких шагах от меня и вежливо улыбнулась, холодно, как улыбаются незваным гостям.

— Здравствуйте, — сказала она. — Вы, должно быть, Вера. А я Карина.

Глава 18

Я встала со ступеньки. Медленно, не сводя с неё глаз. Она была красивая — этого не отнять. Высокая, темноволосая, с острыми скулами и кошачьим разрезом глаз. Дорогое пальто, небрежно накинутое на плечи, идеальная укладка, запах духов — тяжёлый, сладкий, обволакивающий. Она стояла передо мной как хозяйка этого места. И она действительно была хозяйкой.

— Я знаю, кто вы, — сказала я.

— Разумеется. — Она улыбнулась, и улыбка вышла почти тёплой. Почти. — Дима рассказал о вашем... переезде. Решила зайти познакомиться лично. Соседи всё-таки.

Соседи. Она сказала это так, будто мы снимали дачу по соседству, а не делили одного мужчину, один дом и четыре года лжи.

— Мы не соседи, — сказала я. — Мы временные жильцы. Как только я найду работу, мы съедем.

— О, не стоит торопиться, — она повела рукой. — Флигель всё равно пустовал. Дима так трогательно его обустраивал. Цветы, игрушки... Я и не знала, что он умеет так заботиться. За годы нашего брака о

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.